ТАТЬЯНА
Степанова
Stepanova
ВЕНЧАНИЕ
СО СТРАХОМ

Татьяна Юрьевна Степанова

Венчание со страхом

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126708
Т.Степанова Венчание со страхом: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-08319-7

Аннотация

В подмосковных поселках в одно и то же время совершается ряд кровавых убийств. Их зверский характер, необычность орудия преступления позволяют предположить, что в области действует изощренный маньяк.

Милиция выходит на след преступника, но погоня остается безуспешной – до тех пор, пока к расследованию не подключается журналистка Катя Петровская.

Содержание

Пролог 4
Глава 1 ПОЧЕМ НЫНЧЕ ГЕРОИН? 7
Глава 2 ДВА УБИЙСТВА В ОДНИ СУТКИ 12
Глава 3 ЦАРСТВО ОБЕЗЬЯН 18
Глава 4 ДОМАШНИЙ УЖИН 27
Глава 5 МУЗЕЙ 31
Глава 6 КАМЕНСКИЕ СЮРПРИЗЫ 39
Глава 7 ЦАРСТВО ЗМЕЙ 44
Глава 8 МАМА, МАМОЧКА… 51
Глава 9 ТАИНСТВЕННЫЙ СЛЕД 55
Глава 10 О ВИШНЕВЫХ САДАХ, 58
Глава 11 РАЗБИТЫЕ ЧЕРЕПА 64
Глава 12 МОРЕ ТРАВЫ 71
Глава 13 «СИНЯК» 73
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Татьяна СТЕПАНОВА
ВЕНЧАНИЕ СО СТРАХОМ

Пролог

Зеленые ворота захлопнулись без скрежета и скрипа – бесшумно, словно смазанные маслом. Зеленые ворота бетонного забора, опутанного колючей проволокой. И лес вокруг, все равно на миг умолкнувший, насторожившийся, снова ожил, наполняясь птичьим гомоном, шелестом листвы, дальней раскатистой дробью дятла.

В этот ранний утренний час птицы в сырых и сумрачных чащах пели как-то особенно радостно и празднично. Вышедшая из ворот пожилая женщина прислушалась, вспоминая: так же радостно и громко пели птицы в Земляничном Бору на Оке полвека назад. Тогда, летом 41-го, семья женщины жила там на даче, там и встретили 22 июня. В *то* воскресное утро, она до сих пор это ясно помнила, в их заросшем саду заливался черный дрозд и неумолчно куковала кукушка, отсчитывая им всем, всей ее большой семье долгую счастливую жизнь.

Женщина вздохнула: и тут из глубины этого леса тоже доносится дальний голос кукушки. Врешь все ты, птица Божья. И тогда, в сорок первом, врала своим гаданием – семья-то ведь почти вся полегла на войне – и братья, и дядья, и свояк… И сейчас ты, наверное, лжешь кому-то, птаха, ой лжешь…

Женщина оглянулась на зеленые ворота и тяжело и торопливо пошла прочь по дороге – узкой полосе бетона, проложенной среди хвойного леса.

Спешить ей было куда: электричка не ждет. А другой до полудня на этой тихой лесной станции не увидишь. Эта электричка – дальнего следования, до самой Москвы идет почти без остановок. Самая удобная электричка, а к платформе прибывает в 9.20. Не опоздать бы!

Но торопиться тоже ведь надо с умом. Чай не молоденькая. Женщина сглотнула горький ком в горле: годы пролетели, старость – не ждала, а пожаловала. Какая уж теперь тут радость? Где она? В чем? Ноги, что ни утро, свинцом наливаются, поясницу крутит к дождю, суставы словно чужие, так и грызет их боль. А глаза без очков точно слепые окна в брошенном доме…

Старость… Седьмой десяток разменять при нынешней-то жизни – это суметь надо. Слава Богу, что вообще-то еще на своих ногах ползаешь. И не только ползаешь, а даже работать можешь. Через силу, а можешь.

Из леса снова настойчиво окликнула кукушка. Женщина замедлила шаг. Отдышаться надо. Охо-хо, с этой работой… Правильно дочь говорит: «Бросить надо тебе, мамаша, эту канитель. Все равно всех денег не заработаешь. На покой пора». А где он, покой? Где его сыскать? Работала ведь всю жизнь, весь свой век. Да и деньги тут кое-какие платят. Однако…

Она снова заторопилась: скорее уж на платформу, что ли, скорее бы сесть в поезд! Но сердце сжалось в груди, заныло, требуя, чтобы с ним считались: старая ты кляча, бегаешь все, а бегать отвыкать надо, все равно от гроба-то не убежишь.

Вместе с сердечной болью вернулась к женщине тревога. Та тоскливая, щемящая, что не давала ей покоя ночью, та, что наваливалась на нее всегда, едва только она входила в эти зеленые ворота, закрывавшиеся столь бесшумно и плотно.

И правда, всех денег не заработаешь. Это по нынешним грошовым пенсиям там, конечно, деньги, но… Но *работа* эта…

Ей вдруг вспомнился отец Алексий – настоятель Храма Вознесения, что на Воздвиженке – самой ближней церкви от ее дома. Она посещала церковь нечасто, только по боль-

шим престольным праздникам. Да еще в канун смерти родителей, братьев, мужа – записочку подать заупокойную, свечку поставить. А приходя, всегда подолгу слушала отца Алексия, его проповеди. Говорил он чудно, по-старинному. А любимейшим его словом было «богопротивный» – употреблял он его всегда к месту и часто. И слово это, однажды впервые услышанное, прямо по сердцу ее полоснуло. Да, то, что она видит за этими зелеными воротами, этими стенами бетонными, видит почти каждый день, – именно *Богопротивное* дело. Иначе и назвать его нельзя. А уж отвечать за него кому-то на Страшном суде придется. Ох придется гореть за грехи в аду!

А впрочем… Она снова вздохнула и свернула с бетонки на узкую тропку, протоптанную в густом подлеске, – тут до платформы ближе, через лес напрямик, крюк делать не надо. «Впрочем, – размышляла она, – *наши-то* в институте ни в рай, ни в ад, ни в Бога, ни в черта не верят. А только в книги свои, машины да опыты. Да еще в эту, как ее… эволюцию».

Она даже сморщилась от отвращения: до чего ж слово Богопротивное! От него все и зло. И все мучения этих, *которые в клетках*, тоже от него.

Мудруют над ними почем зря, все опытничают, а о жалости к Божьим созданиям не ведают. А про то забывают в ослеплении ума своего и гордыни, что без жалости и милосердия любое Божье создание в *тварь* превращается. А над тварью один дьявол властен. Один нечистый крылья свои черные простирает.

Впереди в ельнике застрекотала сорока. Женщина остановилась, пытаясь разглядеть ее среди ветвей. Нет, невозможно. Даже такую яркую белобочку невозможно разглядеть сквозь этот непроницаемый полог переплетенных ветвей орешника, бузины, рябины, боярышника, опутанных куманикой. Даже сквозь такие сильные очки.

Теперь женщина шла медленно и осторожно: место тут топкое, низина, да дождь еще ночью прошел. Вот земля и раскисла. Оступишься в грязь – все ботинки уделаешь. Чисть потом дома-то! А они, ботинки-то, еще хорошие, крепкие. Дареные – дочь дарила: носи на здоровье, мамаша, – удобные, мягкие, самые старушечьи, да к тому же чешского производства.

А сорока-невидимка все надрывалась в вышине, все предупреждала лес – там, внизу, в гуще кустов, идет кто-то незнакомый, неизвестный… «Эх, птица Божья, горластая ты, однако! Но голос твой – голос вольный: хочу кричу, хочу молчу. И впрямь – Господнее создание. А *наши*… – женщина покачала седой головой, – а *наши-то*! Мудруют над ними – сил нет глядеть что делают, что вытворяют. Спросишь: да зачем же все это? Отвечают – науки ради. А какая такая наука? О чем она? Радость, что ль, кому принесет? Одни только мерзости Богопротивные, против естества, против порядка и природы.

А уж страданий-то сколько от этого, сколько мук горьких! Сколько воя, рева, визга – оглохнуть можно. Точно в аду с чертями. Точно в аду…»

Ей вдруг стало жутко. Вспомнилась сегодняшняя ночь. Это дежурство треклятое… Как *он* глядел на нее сквозь стальные прутья. Как глядел! Прямо мороз по коже от его дьявольских зенок.

Нет, надо бросать эту работу. Хватит. Домой надо, на кухню, к плите, к внучке прилепляться. Или… если уж все-таки работать – в музей надо перебираться, в гардероб на вешалку. Пусть там каждый день работа, пусть ноги жалеть не придется, зато…

Сорока, трескнув напоследок, точно погремушка, улетела. И тут же ее громкое соло в лесном хоре подхватила кукушка. Женщина прислушалась: ишь ты, разбойница, как наяривает! Нешто загадать тебе, сколько еще годков куковать осталось, сколько кости носить старые по этой старой земле?

Но едва она шепотом спросила: «А мне сколько?», птица умолкла.

Лес кругом был тихий, солнечный. Басовито гудел запутавшийся в траве жук, жиденьким дискантом вторили ему маленькие болотные мошки…

Пожилая женщина шла по тропинке. Вот сейчас и платформа, а там электричка. Лишь бы места были свободные. А то стоять-то до Москвы радость невеликая. А уступить – все равно никто не уступит. Сейчас молодежь пошла дерзкая, неуважительная. Наглая молодежь.

Над тропкой нависали густые ветви кустарника. В плотную его сердцевину не проникали лучи начинавшего припекать июльского солнца. Она миновала куст, старательно обошла лужу, заскользила на топкой глине…

Сзади послышался хриплый вздох. Словно крупное животное набрало в легкие побольше воздуха, чтобы…

Женщина оглянулась. Крик, вырвавшийся из ее груди, отчаянный, хриплый крик удивления, ужаса и боли взметнулся к листве и потонул в ней, словно в изумрудном бездонном море…

А потом наступила тишина, нарушаемая глухими страшными звуками, которых никогда еще не слышал этот подмосковный лес.

Глава 1 ПОЧЕМ НЫНЧЕ ГЕРОИН?

«Отчего люди не летают?» – Вслед за героиней чеховской пьесы Сергей Мещерский задавал себе этот сакраментальный вопрос вот уже в сотый раз. Автомобильная пробка, наглухо закупорившая Новый Арбат, давила на нервы – тридцать семь минут на июльской жаре – это вам не фунт изюма! Хотя в «Жигулях» открыты все окна, вздохнуть нечем: со всех сторон ползет тошнотворная вонь копоти, бензина, солярки, горячего асфальта, пота и пыли. Куда ни кинь взгляд – авто, авто и авто.

Потерявшие, как и Мещерский, терпение водители выходили из машин, собирались группками, курили, возмущались.

– Что случилось-то? – спросил у Мещерского парень в темных очках и застиранной майке с надписью «Москва – Гавана», с силой захлопнувший дверь обшарпанного микроавтобуса.

– «Бенц» в автобус въехал, гаишника ждут, – пояснил Сергей лениво. Сам он ничего не видел, но весть о предполагаемом ДТП передавалась вдоль всей пробки из уст в уста.

– Ну оттащили бы их! На тротуар бы спихнули! Тут некогда, товар тухнет, а они… – парень сердито плюнул.

– Нельзя. «Марка»-то над каждой царапиной трясется. Деньги из водилы щас вышибать будут, – встрял в разговор шофер черной «Волги».

– Из автобуса много не выжмешь, – парень в майке снял очки и протер глаза – красные от пыли, усталые. – Эти «марочники», слышали, что теперь вытворяют? Собирается целая кодла на «мерсах», едут. Видят «чайника» на приличной тачке. Ну, один обгоняет его, занимает ряд, затем резко затормаживает у светофора, подставляя задний бампер под удар. «Чайник»-то – разиня. Где ему сориентироваться? Трах – и вдрызг бампер. Ах-ах, извините, а тут другие иномарки подруливают. И начинают «чайника» долбить: давай деньги, подписывай бумажки долговые. Фонарь поставят, пригрозят. А если платить откажется – мигом «счетчик» включат, а там сто баксов каждый час накручивается. «Чайнику» хошь квартиру продавай, хошь в петлю лезь. Опасно ездить стало путем-дорожкой, скоро все будем как в сказке: «Это хто там?» – «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Мещерский слушал разговор шоферов и едва не клевал носом. Жарко, и охота байки травить? Послышался вой милицейской сирены. Бело-синие «Жигули» с мигалкой лихо промчались мимо по тротуару.

– Слава те Господи, хозяин трассы пожаловал. Щас растащат, – молвил водитель «Волги».

Мещерский облокотился на руль. Часы на приборной панели показывали половину третьего. Все. Пообедать он уже не успеет. А есть так хочется! Нет, ну отчего люди не летают, а? Сейчас бы крылышки расправить и порх-порх, как моль, как майский жучок, над всеми этими четырехколесными железяками воспарить к облакам и полететь в Никитский переулок, в Главное управление внутренних дел Московской области, где ждет его девочка Дюймовочка, которой он срочно понадобился. Эх! Как в этой самой «Дюймовочке»? «Я ж-ж-жук-дж-ж-ж-жентльмен, хочу на вас ж-ж-жениться…» Да…

Но самое-то главное в том, в этом ГУВД есть *буфет*! Шлепнуться бы жуком на буфетную стойку, сложить натруженные крылышки, налакаться бы сока вишневого всласть и заесть все это крохой сахарной булочки! Эх, отчего только люди не летают!

Сегодня утром ему позвонила Катя, милая, милая Катя – самая замечательная девушка Западного округа столицы – и елейным голоском попросила его приехать в ГУВД: «Сереженька, голубчик, без тебя никак. Тут у нас такое дело, такое дело! Проходят по нему афри-

канцы, срочно нужен переводчик. Ты подъезжай часика в два, мы пообедаем, а к трем их привезут в розыск для беседы, и ты нашим переведешь, что они наврут, ладно?»

Ну как отказать милой девушке, к которой ты хорошо, ну просто *очень хорошо* относишься? Никак невозможно. И вот, бросив все дела в Российском Турклубе, где вот уже полгода готовится беспрецедентная экспедиция по Центральной Африке, Сергей Юрьевич Мещерский, словно мальчишка (во-во, точно пацан зеленый), бежит, едва только его поманили, нежно обозвав *голубчиком*.

А буфет в ГУВД закрывается ровно в половине третьего! Чтоб его с такой пунктуальностью! В ТАССе, между прочим, круглосуточный. И на Петровке когда-то был тоже.

Машины впереди тихонько тронулись. Шоферы быстренько затоптали окурки и разбежались по кабинам. Через десять минут Мещерский уже мчался по Новому Арбату. Сделал поворот у Манежа, затем еще один – на Большую Никитскую. А вот и ГУВД – желтенький, строгий, солидный. Две минуты спустя Мещерский уже звонил Кате из бюро пропусков.

– Приехал? Умница, – голос Катеньки – ласковый и довольный, – сейчас я скажу им. Алло, здравствуйте, это капитан Петровская. Пресс-центр ГУВД. Там пропуск нами заказан, есть, да? Спасибо большое.

Катя встречала его на КПП возле неулыбчивого мальчика в милицейской форме, в бронежилете, с автоматом. Катя – как всегда, свежая, сияющая. И опять на высоких каблуках! Мещерский от души проклинал эту новую моду: толстый увесистый каблук умопомрачительного размера. Катя и так Дюймовочка рослая – все сто семьдесят пять сантиметров да каблучок семь-девять. Вот и считайте. А в человеке, который ну просто очень хорошо к ней относится, – всего сто шестьдесят пять…

– Катюш, я…

– Есть хочешь, знаю, – она явно собиралась поцеловать его в щеку, но вдруг, к его великой досаде, передумала: в официальном учреждении сотруднику милиции полагается вести себя официально – чопорно и солидно. Все нежности – дома. – Но ты опоздал, Сереженька, я и так тебя заждалась. Потерпи. Ты на голодный желудок понять-то их сможешь?

– А что, собственно, произошло? – Мещерский вслед за ней шел к лифту.

– Сейчас расскажу.

Пресс-центр ГУВД располагался в просторном светлом кабинете: машинки накрыты чехлами, компьютер отключен. Тишь да гладь.

– Все в отпусках – лето. Остались я, Горелов да телеоператор, – пояснила Катя. – Они на брифинг выездной сегодня укатили. ГАИ проводит по постам Ярославского шоссе. А произошло, Сереженька, вот что. Наши из Управления по борьбе с наркотиками решили тоже ударить автопробегом по разгильдяйству и притоносодержательству. Больше всего их сейчас интересует наркотик героин. А среди его распространителей в области – знаменская преступная группировка. Знаменских героинщиков здорово на той неделе почистили. Прихлопнули четыре притона.

– А сколько сейчас грамм героина стоит? – поинтересовался Мещерский.

– От девяноста до ста условных единиц в КВВ – конвертируемой валюте. Только – шшш-шш! Никому. Так вот. Содержали все четыре притона девицы – подружки «крутых» из ОПГ. За день выручали на четыре-пять тысяч и сдавали в «общак». Самим только на чулки выдавалось лайкровые да на мартини по пятницам, – Катя презрительно сдвинула темные бровки. – Наши стали допытываться: откуда героин? Те сначала кочевряжились, потом признались: брали у негров из Торгового центра в Лужниках. Ну, наши, естественно, туда.

Там представительство фирмы по экспорту кофе из Республики БОЛЕ. Белозубые менеджеры в ослепительной фланели от Ферре. Ничего, мол, про наркоту не знаем, торгуем мы в России кофе. А если желаете нас допрашивать, ни по-русски, ни по-английски показаний давать не будем, а будем беседовать только на родном. Я вот записала, какой он у них, –

она раскрыла блокнот, – язык народности барба. Это с ума сойти просто! А по закону мы обязаны предоставить им переводчика, знающего именно их *родной* язык. Ну, наши, естественно, приуныли. А я… я сразу вспомнила про тебя. Ты на этом барба говоришь?

Мещерский, некогда с отличием закончивший Институт Азии и Африки имени Патриса Лумумбы и почти восемь лет проработавший на Ближнем Востоке и в Северной Африке, раздумчиво почесал подбородок.

– Боле – это бывший Невольничий Берег, там сложная языковая группа: восемь диалектов, у каждого племени – свой.

– Они людоеды, да? – Глаза Кати сверкали любопытством.

– Да нет, с чего ты взяла? Все это сказки глупые. Язык барба, конечно, сложный, но, думаю, понять я их сумею. В случае чего объяснимся на родственных диалектах. К тому же суахили всегда выручит. Ладно. Попытаемся.

Катя поднялась.

– Тогда идем. Они у Петрова в кабинете.

Мещерский шел по коридору главка, застеленному красной дорожкой. Осматривался: все чин чинарем, как и полагается в солидных учреждениях. Навстречу попадался народ – все больше офицеры в милицейской форме с папками и бумагами. «Присутственный» день – в кадры, в ХОЗУ, к начальству приезжают ходоки из районов. Вот мимо прошла группа бравых парней в тельняшках и камуфляже из комендантского взвода, за ними еще какие-то – еще выше, еще плечистее. Мещерский оглядел их и надменно выпятил грудь. Ишь ты, баскетболисты!

– У нас соревнования намечаются областные по боевой и физической. Самые-самые идут, – пояснила Катя, – Горелову репортаж придется писать с физкультприветом.

– А Колосов где? – поинтересовался Мещерский и улыбнулся в черные усики.

С Никитой Михайловичем Колосовым – начальником отдела уголовного розыска по раскрытию убийств и тяжких преступлений против личности – Мещерский в близком знакомстве не состоял, однако наслышан о нем был много. Однажды они едва не встретились, когда судьба подкинула им всем один странный и загадочный случай.

– Он в районе с утра. Сегодня день ужасный. Убийство какое-то в Каменске. Все туда уехали. Я ничего пока не знаю, только слухами питаюсь. В сводку пока не дали. Что-то нехорошее там, – Катя закусила губу.

– Когда убийство хорошим было? – Мещерский вздохнул. – Этот кабинет, да? – он толкнул дверь. – Здравствуйте.

Из-за стола стремительно поднялся полный молодой мужчина. Волосы его отливали медью, круглое лицо испестрили веснушки. Улыбка у него была приятной, взгляд – быстрым и внимательным.

– Добрый день, проходите. Спасибо, что откликнулись. Сергей Юрьевич, да? Мне вот Екатерина Сергеевна говорила, – он крепко пожал Мещерскому руку. – Что б мы без вас делали? Знатоков таких головоломных языков днем с огнем не сыщешь. А нас закон по рукам-ногам спутал: кровь из носа – достань им переводчика с *родного*. Катя вас ввела в курс дела?

Мещерский кивнул.

– В общем, разговор пойдет о наркотиках, Сергей Юрьевич. О героине. Но для разминки поговорим вначале о кофе, о налогах, госпошлине и таможенных тарифах. Это не слишком сложно будет?

– Ну, в языке барба некоторых подобных слов, я думаю, просто нет, – сказал Мещерский. – Но попробуем кое-что спросить на аджа, кое-что на фульбе – это родственные диалекты. Думаю, поймем друг друга.

– Тогда в бой. «Шоколадки» в соседнем кабинете маринуются. Там представитель фирмы и двое тех, на кого нам девчонки указали как на поставщиков героина. С каждым будем беседовать отдельно, с глазу на глаз.

И они беседовали и на языке барба, и на фульбе, и на аджа. Петров задавал вопросы, Мещерский переводил, а трое щеголеватых, надушенных и не в меру веселых уроженцев бывшего Невольничьего Берега по очереди отвечали.

Катя тихонько заглянула в кабинет: беседа длилась вот уже третий час. По лицу Петрова видно, что он вконец обалдел от этих гортанных вопросов и щелкающих ответов на тарабарском языке, в котором он ну ни черта не понимал!

– Что он сказал? – поминутно спрашивал он Мещерского. Тот с каменным выражением лица, точно Будда Невозмутимый, переводил.

– Сергей Юрьич, пожалуйста, скажите ему: я не удовлетворен беседой. В понедельник в одиннадцать им придется приехать сюда же в Следственное управление к следователю Седовой Лидии Борисовне. А вы сами-то сможете в одиннадцать?

Мещерский тяжко вздохнул.

– Только к двум я должен быть свободен.

– О чем разговор! Я и так у вас в неоплатном долгу! Но – сочтемся, – Петров подмигнул. – Банька, рыбалка, охота в Подмосковье. Все за нами – только скажите когда. Если мы эту банду международную зацепили да наших «бичей» из Знаменска к делу подколем, то… в ножки вам поклонюсь!

Мещерский вежливо улыбнулся и снова заговорил на языке барба.

Негры слушали родную речь с интересом. Изредка одобрительно цокали языками. Затем один – самый главный – встал и обратился к Петрову с длинной прочувственной речью.

Катя прикрыла дверь и вернулась в пресс-центр. Вечер на дворе, а они никак не угомонятся. Зато материал первоклассный. Она из этой операции конфетку сделает. Так распишет, так… «Щупальца Невольничьего Берега», «Нити знаменской мафии тянутся в страну Лимпопо».

А «шоколадки», ишь ты, как окрылились – героин к нам прут. Мало нам своей заразы! Однако забавный народ! – она усмехнулась. Дело уголовщиной пахнет, а вид у них такой, что, кажется, стукни «там-там» – сразу в пляс пустятся. Африка – загадка для европейцев.

Ей вспомнился эпизод из далекого прошлого: фестиваль молодежи в восьмидесятых. Катя – тогда студентка юрфака МГУ – работала на фестивале переводчицей. Английский у нее был приличный, и ее прикрепили к группе австралийских студентов, разместившихся в гостинице «Берлин». Славные были ребятки, эти австралийцы. Душевные и простые. Пить только любили.

В клубах различных землячеств они, помнится, знатно тогда повеселились. И в клуб «Франция – СССР» нанесли визит. А председателем его был тогда Вадим Кравченко – молодой и красивый сотрудник КГБ (в те времена это тщательно скрывалось).

Нет, с Вадей они познакомились не на фестивале. Это произошло гораздо позже. Когда они и не подозревали о существовании друг друга.

А в том клубе ее подопечные австралийцы познакомились с делегацией из Ботсваны – расцеловались, поклялись в вечной дружбе и выпили на брудершафт. А на следующее утро ботсванцы завалились в гости в «Берлин». Хотя в то лето в Москве стояла такая жаркая погода, как на их родном экваторе, ботсванцы тщательно кутались в шерстяные кофты, носки и гетры. На одном, самом модном, даже красовалась лыжная шапка с помпоном.

Как давно это было. Словно сон… И фестивалей нет, и «Берлин» перестроен и переименован в «Савой»… Но Африка, Африка все та же. Эти весельчаки, однако, цену героину знают, и на легкую победу над ними рассчитывать не приходится.

Катя откинулась на спинку стула. День сегодняшний какой-то бесконечный. От машинки она не отрывалась с утра – репортаж делала, потом решала филологические проблемы Петрова, потом… И это убийство в Каменске… Что же там такое произошло?

Позвонила приятелям своим старинным – Сергееву – начальнику Каменского ОУРа, а тот еще даже не возвращался. Целый день на происшествии.

Ира Гречко – закадычная подруга и старший следователь – вообще ничего не знает. И в сводке ни словечка. Что же там стряслось? Кого убили-то? Почему все так секретно? Надо узнавать. Иначе грош тебе цена как сотруднику пресс-центра, Екатерина Сергеевна…

Хлопнула дверь. Вошел Мещерский. Измочаленный и несчастный.

– Все. Умереть – уснуть. Меня доконали. Сейчас этот колониальный вождек толкнул такую речугу – мы с Петровым едва живы остались. Там одних эпитетов восемнадцать, и все в осуждающем тоне. Я упаду, усталый, голодный и небритый, у ваших ног, Екатерина Прекрасная. Неужели вы не спасете меня?

Она уже энергично собирала вещи.

– Тебя спасет кусок жареного мяса. Ужинать пора.

Скорбный лик знатока языка барба просиял.

– Так почем, значит, грамм героина и каково его действие на нетвердые умы? – поинтересовался он.

Катя только махнула рукой.

Глава 2 ДВА УБИЙСТВА В ОДНИ СУТКИ

Тот, кому никогда не доводилось выезжать на место происшествия, узрев выражение лица Никиты Колосова, начальника отдела убийств, и услышав его смачные непечатные восклицания в ответ на сообщение дежурного: «В лесном массиве у железнодорожной станции Новоспасское обнаружен труп женщины в возрасте 70 лет», – подумал бы, что перед ним – самый черствый и непробиваемый сыщик на свете. Лицо Колосова выражало крайнее раздражение, а изрекал он мрачные и многообещающие ругательства по неизвестному адресу. Сутки начинались просто ненормально: в 8.30, когда он после дежурства по главку только-только собирался ехать домой, заявили об убийстве мальчика на свалке в Каменске. Теперь же, когда он с ребятами уже подъезжал, пробиваясь через грандиозную пробку на Новом шоссе, к этому подмосковному городку, дежурный по рации передал еще и об убийстве старухи в Новоспасском.

На оба места происшествия Колосову требовалось ехать лично, это было просто необходимо. Убийство в Новоспасском сулило много неприятностей – он уже чувствовал это всеми печенками. Опять чертовщина какая-то. Неужели снова встретимся там с…

Колосов кусал губы, крутил руль, пытаясь втиснуть отделовские «Жигули» в образовавшуюся щель между воняющим соляркой бензовозом и рейсовым «Икарусом». Справа и слева ему возмущенно сигналили. Майор даже не удостоил наглецов взглядом.

А убийство мальчика? Там тоже ситуация аховая, даже те скупые факты, что передал дежурный, говорят о многом. И вот надо быть сразу в двух местах. Обязательно надо. А тут – хоть разорвись! И эта пробка еще…

– Мы почти уже приехали, – подал голос Владислав Коваленко – старший оперуполномоченный Никитиного отдела. Они с Колосовым были одногодки, обоим исполнилось по тридцать четыре года. Оба носили на погонах майорские звезды. А посему считались *стариками*: более половины сотрудников «убойного», как его называли на главковском сленге, отдела составляли энергичные, настырные и наивные лейтенантики от двадцати двух до двадцати пяти.

– Никит, тут прямым ходом по улице Новаторов пятнадцать минут. Это Шанхай местный, трущобы. Они от шоссе до самой Братеевки тянутся, – пояснил Коваленко. Он был родом из Каменска. – Хочешь, двигай с ребятами на своих двоих, а я машину попытаюсь вытащить из толчеи. Тут мне до моста надо только дотянуть, там поворот под эстакаду. Я к вам подскочу.

Колосов открыл дверь машины, вышел, огляделся. Впереди, сзади, в первом ряду, в третьем – грузовики, легковушки, автобусы. Вон «Скорая» застряла: мигалка светит, а толку! Эх, люди, – «рожденный ползать летать не может».

– Ладно, Слава, мы пошли, – сказал он, – свяжись по рации с Борисовым. Скажи, я закончу здесь и сразу поеду в Новоспасское. Пусть там сами пока работают, но… В общем, скажи: я все равно туда приеду.

– Да тут недалеко, – ободрил Коваленко. – Это ж наше дачное место. Тут езды минут двадцать по шоссе.

– По такому? – спросил Никита мрачно, указав на дорожную пробку, хлопнул дверью «Жигулей» и в сопровождении двух оперативников начал протискиваться между нагретыми солнцем капотами к тротуару автобусной остановки.

Улица Новаторов, заросшая липами и бузиной, вилась по окраине Каменска. С давних пор место это называлось «Шанхай». Здесь доживали свой век старые бревенчатые бараки, некогда предназначенные для пленных немцев, работавших на постройке шлюзов на Московском водоканале.

Сейчас бараки разрушались. Сквозь выбитые в незапамятные времена стекла лезли внутрь сырых сумрачных помещений ветки ольшаника и барбариса, пышно разросшихся в некогда ухоженных и обустроенных военнопленными палисадниках. Дощатые полы прогнили и провалились, сквозь зияющие дыры проросли крапива, лопухи да чертополох.

В стороне от Шанхая, за шоссе располагался микрорайон новостроек. Там кипела жизнь, туда переселился последний обитатель улицы Новаторов. А здесь… здесь все было в прошлом.

Спуск к водоканалу, некогда укрепленный бетонными блоками, обветшал. Старой искрошившейся от времени лестницей из светлого песчаника давно уже, кроме кошек да воробьев, никто не пользовался. Одни грелись на солнце на старых плитах, другие – чирикали, дрались. И тем, и другим никто не мешал. Старые дуплистые липы скрипели, роняя листву на изъязвленные ямами и выбоинами тротуары.

Улица Новаторов упиралась в овраг, отгораживавший заброшенную свалку и служивший естественной границей старого Каменска. Овраг этот старожилы обходили стороной. Издавна это было любимое место собачьих свадеб. Со всех концов города в определенные дни сюда устремлялись стаи бродячих псов – рылись в отбросах, затевали яростные турниры. Всякий пришелец – будь то человек или животное – встречался ими как кровный враг. Днем собак почти не было видно, зато по ночам, особенно в полнолуние, их вой оглашал пустынную улицу, вгоняя в холодный пот случайно забредших на свалку бомжей и пропойц.

До свалки Колосов и его сотрудники добрались действительно быстро.

– Тебе стометровку бегать, Михалыч, – пыхтел Вася Славянкин – низенький крепыш в пестрой рубахе и черных джинсах. В розыск он пришел из армии и все никак не мог привыкнуть ни к гражданской одежде, ни к бешеному ритму новой службы. – Дай отдышаться.

– Сейчас отдышишься, – пообещал Никита.

Они завернули за угол напрочь сгнившей развалюхи с провалившейся крышей и по крутой тропинке, продираясь сквозь заросли каких-то колючек, спустились в овраг.

– Вон и благородное собрание, – Никита указал направо.

Примерно шагах в двухстах от них на дне оврага стоял канареечный «уазик» с мигалкой – дежурная машина Каменского ОВД. Рядом с ним в кустах бузины приткнулся облупившийся «Урал» с коляской. Мотоцикл этот Колосов узнал бы из тысячи. На нем добрый десяток лет ездил старинный школьный кореш, а ныне старший участковый Каменского ОВД Костя Загурский. За кустами мелькнула его милицейская фуражка. Хозяин «Урала» шел навстречу Колосову.

– Здорово, – он протянул Никите огромную, похожую на совок, ладонь. В Загурском было огромно все – от роскошных «фельдфебельских», как он хвастался, усов до начищенных до зеркального блеска сапог сорок пятого размера.

– Чегой-то вы из кустов к нам подкрадываетесь? – спросил он. – Машина, что ль, заглохла?

– Угадал, – Колосов пожал его «пять» своей левой рукой, правую он держал в кармане куртки. Рядом с гигантом Костей он всегда чувствовал себя так, как та мышь, которая породила гору. – Где?

– Там, – участковый кивнул на кусты, – там всё и все. Полный сбор всех частей. Карпыч приехал с чемоданом, прокуратура. А ты левшой стал, гляжу? Приемчики на ком-то отрабатывал?

Колосов кивнул и двинулся к кустам. Вот уже неделю он предпочитал здороваться именно левой рукой. Правую пришлось облечь в перчатку. На тыльной стороне его кисти внезапно вскочила какая-то гадость: фурункул – не фурункул, язва – не язва. Вид у этой заразы был самый наиотвратительнейший.

«Это у вас экзема, голубчик, – сказала ему пожилая врачиха в главковской медсанчасти. – От нервов все, нервы не бережете, а такой молодой. Насчет заразы не бойтесь, это совсем не опасно. Хотя неприятно… да… вот мазь. Мажьте утром и вечером, но главное – попытайтесь хоть немного эмоционально разрядиться».

Пижонистая кожаная перчатка (это в июле-то месяце!) доводила Колосова до зубовного скрежета – жарко, кожа мокрая, скользкая. А что поделаешь? Он не забыл еще испуганно-брезгливого взгляда молодой женщины в троллейбусе, когда она дала ему талончик, прося пробить, а он пробил и вернул его ей, держа правой рукой *без перчатки*. Нет уж, подальше от таких взглядов! А то еще в лепрозорий загремишь.

За кустами бузины пряталась круглая, сплошь заваленная мусором полянка. Чего там только не было! Консервные жестянки, прохудившиеся чугунные ванны, разбитые унитазы, пустые бутылки, тряпки. Словно вырванный зуб великана, белел воткнутый в кучу хлама холодильник с вывороченным нутром. Тут же нашел свой последний покой и остов древнего «Запорожца» – без салона, колес и двигателя – ржавое привидение, порожденное на заре отечественного автомобилестроения.

У «Запорожца» толпился народ. Колосов знал многих. Вон Александр Сергеев – начальник Каменского ОУРа, старичок-судмедэксперт и местный патологоанатом Бодров Лев Карпович, следователь прокуратуры Зайцев, эксперт Сеня Гольцов со вспышкой. Тут же понятые – из дежурных общественных помощников. Толстый рыхлый мужик в спецовке, бледный, потный, потерянный, смотрит куда-то вниз, под несуществующие колеса «Запорожца», второй – парень в спортивном костюме упорно считает травинки у себя под ногами.

Колосов кивнул следователю Сергееву и шагнул вперед. Судмедэксперт Бодров – Карпыч, кряхтя, начал что-то искать в своем заветном чемоданчике. Никита увидел тело. Маленькие ноги-спичечки в синих, измазанных глиной «трениках» и порыжелых кедах. Маленькие тоненькие руки – синюшно-бледные. Под обкусанными детскими ноготками – грязь, травинки. Ладошки, тыльная сторона кистей, предплечья – исцарапанные, изрезанные, что-то бурое засохло на коже.

Бурое, переходящее в темно-багровое, почти черное, – везде: на траве, на консервных банках, на листьях кустов, на железном боку «Запорожца». Колосов опустился на корточки. Теперь он ощупывал взглядом *лицо*. Восковое, черты заострились. Рот сведен в немом крике. Кончик языка прикушен в непереносимой муке – бурое струйкой засохло на подбородке. Не поймешь: то ли ребенок, то ли старичок, то ли истерзанная мумия.

– Сколько ран? – хрипло спросил Колосов.

– Я насчитал двадцать девять, – ответил Карпыч. – Павел Сергеич, записывайте антропометрические данные. Обмер я закончил, – он протянул следователю листок из блокнота. «Прокуратура» отошла к «уазику» и, положив папку с протоколом на капот, начала сосредоточенно писать.

– Двадцать девять, вот, – Карпыч указал на маленькое тельце, обернув к Никите старое морщинистое усталое лицо. – Шесть проникающих ранений грудной клетки спереди – слева и справа, думаю, повреждены легкие, вилочковая железа, сердечная сумка, сердце, аорта, легочная артерия, – перечислял он глухо. Бодров, проработавший судебным медиком и патологоанатомом Каменской больницы добрых сорок лет, славился среди оперов и следователей тем, что по внешнему виду ранений часто мог весьма точно предсказать их последствия. Первоначальные выводы его почти всегда подтверждались результатами вскрытия. – Три проникающих ранения грудной клетки сзади – слева и справа, думаю, повреждено легкое. Три проникающих ранения живота. Девять колото-резаных ранений мягких тканей поясничной области в районе левого плечевого сустава, правой кисти и в области гребня подвздошной кости справа. Восемь резаных ран в области левого бедра и тазового пояса.

Сзади послышался хриплый вздох. Карпыч осекся. Колосов поднял голову. Толстяк-понятой массировал сердце под рубашкой.

– Такой малыш, такие муки вынес, такие муки… – бормотал он.

Карпыч полез в чемоданчик, достал пластмассовый баллончик – валидол и протянул понятому.

Подошел следователь, отложил протокол, опустился возле трупа на колени.

– Сколько лет? – спросил Никита.

– Приблизительно девять-одиннадцать. Судя по состоянию тела, давность смерти восемь-десять часов. – Карпыч потрогал землю. – Его убили до дождя.

– Дождь под утро лил, – сообщил Загурский. – Я с сабакой выходил в шесть. Он уж кончался. А начался, видно, часа в три ночи.

– Смерть ребенка, думаю, наступила в результате этих вот множественных проникающих ранений грудной клетки и живота, сопровождавшихся обильным как внутренним кровотечением, так и острой кровопотерей, – сказал Карпыч.

– Кровью истек… – Колосов смотрел на лицо мальчика. Оно напоминало белую маску.

– Подобные повреждения сопровождались сильными болевыми ощущениями. Сильными, да-с… – старик кашлянул и отвернулся.

– А *это*? – Колосов пристально осматривал тело.

– На первый взгляд признаков насильственного полового контакта нет. Но надо будет окончательно убедиться.

– Загурский, так он точно не с вашего участка? – спросил следователь.

– Точно. Я своих всех знаю, – забасил участковый, – у нас тут с Братеевки, с района новостроек пацаны. Из Лихонина тоже приходят. Этот либо из Заводского района, либо пришлый – с той стороны канала.

– Бродяжка? – Колосов нахмурился. Он разглядывал грязные «треники», старые кеды, клетчатую, превратившуюся в кровавые лохмотья рубашонку. Ну что ж… Мальчик, значит. Худенький. Очень худенький. Давно не стрижен. Белье – он оттянул «треники» и осмотрел трусики и майку – ветхое, стираное, чиненое-перечиненое. Руки – как воробьиные лапки, – шершавые, с цыпками и заусенцами. Нестриженые волосы и руки говорят за бродяжку, а вот белье – против.

– По всем без вести пропавшим проверять немедленно, – распоряжался следователь. Начальник ОУРа Сергеев – смуглый, кряжистый, похожий на боксера, только кивал: знаем, мол, сами, не учи ученых.

– Следы-то, – шепнул он, склонившись к Никите, – ливень смыл все. А ведь были следы, место тут топкое, вязкое. Не по воздуху же ОН летал, сволочь!

– Он? Один? – Колосов встал, отряхнул коленки.

Сергеев неопределенно пожал плечами. Колосов знал: во всем, что касается организации *первоначальных оперативно-розыскных мероприятий*, на Сергеева можно было целиком положиться. Самое важное узнать, кто такой этот убитый мальчик. Как он попал на свалку? И Сашка узнает, его действительно учить не надо.

Сверху, оттуда, где в овраг упиралась улица Новаторов, резко просигналила машина. Это Коваленко наконец-то выбрался из автомобильной пробки.

– Ты куда, в Новоспасское сейчас? – спросил Сергеев. – Утром сегодня Соловьев звонил. Тоже «обрадовал». Два таких подарочка, а? А говорим – провинция, дачи. Чтоб их! Там что, опять *то самое*?

– То самое. Вроде бы, – Колосов аккуратно очищал грязь с перчатки. За его спиной Загурский и один из каменских оперативников осторожно завертывали тело мальчика в брезент.

– Эх, – Сергеев закусил губу. – Два ведь теперь, Никита, слышь? Ей-Богу, ДВА. Я зря не скажу. Тот-то точно. А вот наш…

– Значит, думаешь, опять у нас ОН? Новый?

– Да ты на раны-то посмотри! На раны только. Он его ж ножом всего исполосовал, кровища хлестала, как тогда… Ей-Богу, Никита, если б *тот*, – Сергеев понизил голос до шепота, – не сидел там, откуда не сбегают, я б на него подумал. Почерк один к одному.

– Головкин приговора ждет, Саша. Сам же знаешь.

– Значит, мы получили нового и… и… – Сергеев запнулся. – Вам-то наверху, конечно, виднее: мол, первый пока случай в области, но… я по почерку сужу: ЭТОТ на одном не остановится. Этому мало будет. А значит, Никита, надо нам…

– Ну что? – Колосов уже двинулся к машине.

– «Удава-2» запускать, вот что, – выпалил Сергеев. – Не то дождемся. Всего дождемся.

– Ладно. Вернусь – потолкуем. Я с места в морг поеду, потом сюда. Постарайся, чтобы новости хоть какие-то были, хорошо? Я своих ребят тебе в помощь оставлю. Мы со Славкой там справимся.

Как они ни торопились, а в Новоспасское прибыли к шапочному разбору. Осмотр места происшествия почти закончился. Тело уже увезли.

– Ну и денек сегодня, – посетовал Юрий Соловьев – майор милиции, начальник Спасского ОВД. Каменский и Спасский районы граничили по речке Разлетайке, а дачный поселок Новоспасское был любимым местом отдыха их жителей.

– Личность мы уже установили: Калязина Серафима Павловна. Она, видимо, шла на станцию. Одна. Он ее в кустах вон на той тропинке подкараулил.

– Пенсионерка? – осведомился Колосов.

– Нет, представь себе, несмотря на возраст, работала.

– Где?

– Не поверишь. На зообазе нашей. Вернее, это я по наиву своему считал, что это просто зообаза, – пояснил Соловьев. – Думал, ну, зверюшки разные для продажи, ну, серпентарий – гадюки там у нас однажды по всей территории расползлись. А это, оказывается, отделение «зоо-био» какое-то при НИИ изучения человека. Потерпевшая там старшей лаборанткой работала. У них дежурства ночные при зверях. Обезьяны там, изучают их, опыты проводят. Ну, Калязина после смены возвращалась домой. А ОН, видимо, у платформы караулил. Как тогда…

– Ладно. Пойдем на место взглянем.

Они шли по узкому бетонному шоссе. Справа и слева от него высились корабельные сосны и ели.

– Поселок расположен в полукилометре от станции. База чуть ближе. Мы туда подскочим потом, там вся территория забором обнесена, пропускной режим, – рассказывал Соловьев. – Она, видно, торопилась на электричку 9.20. Тут в это время как раз безлюдно. Дачники на работу восьмичасовыми едут. А отпускники дрыхнут еще. Утром по бетонке вообще мало кто ездит. И магазины все в поселке, и лавка молочная, а тут – жилья нет до самой Братеевки. Она, значит, шла одна. Вот здесь, смотри, – Соловьев указал на едва заметную лесную тропку, ведущую в тенистый ельник, – если здесь свернуть, можно выйти на станцию прямо к первому вагону – к Москве. Калязина не хотела там по вокзальному перрону путешествовать, решила время себе здесь сэкономить. Вот и сэкономила. Тут она шла. Мы ее следы сфотографировали. Земля-то влажная после ливня. А вот здесь все и произошло.

Впереди на тропинке стоял милиционер в бронежилете из патрульного взвода. Их подняли по тревоге для прочесывания местности.

– Камень нашли, – сообщил он. – В лужу его зашвырнули.

Чуть поодаль кучковались члены опергруппы. Слишком молодой для своей профессии прокурорский следователь, больше смахивающий на студента-первокурсника, паковал в целлофан ребристый заостренный булыжник внушительных размеров. Колосов подошел к нему. Поздоровался.

– Разрешите взглянуть. – Взял камень в руки, взвесил. На кило потянет.

Черт! Снова *этот камень*. Грубо обколотые края. Кровь, прилипшие волосы…

– Здесь поблизости можно такой найти? – спросил он у Соловьева.

– Вполне. Там, у самой станции, насыпь укрепляют. И щебенку привезли, и шлакобетон.

– Но это не щебенка и не бетон, – заметил следователь. – Это настоящий булыжник.

– Участок со следами вон там впереди, – Соловьев повел Никиту дальше. – Это ее следы. Босоножки, размер тридцать пятый, старушка маленькая была. Здесь она чуть в грязи не увязла. А он ждал ее в кустах. Там осока по колено, примял траву. Видимо, пропустил ее и напал сзади.

– Значит, его следов нет? – Никита хмурился. – Никаких?

Вместо ответа Соловьев повел его по скользкой траве.

– Вот отсюда он сделал прыжок к ней. Тоже поскользнулся, видимо, поскользнулся. Слепок уже есть. Гипс вот только что-то некачественный попался.

Колосов смотрел на влажную темную землю у себя под ногами: перед ним был смазанный, наполненный выступившей дождевой водой отпечаток БОСОЙ ступни.

Глава 3 ЦАРСТВО ОБЕЗЬЯН

– Обнаружили ее поссажиры электрички. Как раз в 9.55 московская прибыла. Дачники и наткнулись на тело, – рассказывал Соловьев, пока Никита осматривал вещи Калязиной. – Позвонил нам станционный сторож. Мы роту подняли по тревоге, лес начали прочесывать. У этого ублюдка было в запасе минут сорок между электричками, вот и получается, что…

– Что получается? – спросил Колосов с плохо скрытым раздражением.

– Что путей отхода у него могло быть только два: либо он сел на ту самую электричку 9.20, на которую так торопилась Калязина, и сразу же укатил в Москву, либо побежал в поселок. Если принять за основу вторую версию – он наш, местный: или дачник, или кто-то с зообазы. И находится до сих пор здесь.

– Легкий путь, Юра.

– Легкий, да, – Соловьев тяжко вдохнул. – Это как в сказке. Но… ты как хочешь, Никита, но не могу я его представить босого, перемазанного грязью, а может, и чем похуже, в электричке! Не могу, понимаешь? Это ж полный дурдом. И вообще, – он помолчал. – За каким чертом он *разувается перед этим*? В Брянцеве он тоже босым бегал, да?

– Он… – Колосов вертел в руках связку ключей, извлеченных из сумки Калязиной. – Я сегодня это слово слышу в двадцатый раз. Никаких ассоциаций, усек? Никакого воображения у меня уже не осталось. Я не знаю, для чего он это делает. Не зна-ю.

Он молча осматривал сумку: недавно купленная, вместительная, из пестрой плащевки на «молнии» (такие старухи почему-то особенно любят). В сумке – две газеты: «Аргументы и факты» и «Вечерка», старый перетянутый резинкой зонтик, стираные гольфы в пластиковом мешочке, пакетик с лекарствами: валидол, глазные капли, очечник (она постоянно носила очки, они упали в траву, когда ОН сбил ее с ног) и видавшая виды косметичка – бархатная, расшитая бисером. Никита раскрыл ее. Косметичка, как и все в этой сумке, хранила запах хозяйки: смесь валерьянки, мяты, нафталина, крепких дешевых духов – все, чем пахнут молодящиеся старушки.

Одну за другой он вынимал вещи: проездной «сезонка», картонный пропуск в НИИ, огрызок черного карандаша для подводки бровей, остатки польской помады коричневого цвета. В кошельке обнаружились деньги: купюра в пятьдесят тысяч и гремучая тяжеловесная мелочь, пластиковые жетоны на метро…

– Значит, полтинник внимания его не привлек. – Соловьев взял у Никиты пропуск, посмотрел фото Калязиной – кругленькая очкастенькая аккуратная старушка. – Равно как и ее сережки с фианитом, у моей бабки, кстати, такие же были, и колечко с синим камушком неизвестного происхождения. Дешевка, конечно, но если бы это был просто бродяга, бомж – не побрезговал, забрал бы все подчистую. Этот же не грабил, он… Он и прежде ведь не грабил, а?

Колосов положил вещи в сумку. Вместо ответа спросил сам:

– Сколько времени он, по-твоему, находился возле нее?

Соловьев, прищурясь, посмотрел на солнце, пробивающееся сквозь плотную листву нависшей над тропинкой липы.

– Достаточно, чтобы снять с себя и с нее штаны. Минут семь-десять. Однако этот оригинал белья не трогал. А вот что он делал…

Ей было нанесено четыре удара. Медик сказал, двумя он оглушил ее, сбил с ног, затем бил уже лежачую. Потом зачем-то поволок тело вперед, не в кусты, заметь, а, наоборот, – из кустов, на видное, солнечное место. И тут снова ударил. Я думаю, он как-то манипулировал с ее телом – может, ощупывал, гладил. Эти, с завихрениями насчет стариков, часто

так поступают. Однако вступить в половой контакт не пытался. Ее одежда на этот счет – в порядке. Потом он ударил ее еще раз.

– Значит, всего было шесть ударов? И все по голове?

– Эксперт так сказал, следователь записал. Других повреждений на теле вроде нет. А эти по брызгам крови на кустах установили, по частицам мозгового вещества. – Соловьев сморщился, приподнял фуражку и вытер лицо платком. – В общем, он обращался с ее головой, точно с орехом. Грецким. Долбил, долбил. И все камнем, все камнем… Видишь, там след волочения на земле? Он тащил ее за кофту, а сам шел все время по траве: примял ее здесь и здесь. А след оставил нам только один. Тот, что ты видел только что. Визитную карточку свою – лапу заднюю. Дерьмовый след, Никита. Никакой идентификации там не получится. Я хоть не эксперт, а сразу скажу – в пролете мы снова.

Колосов молчал. Потом спросил:

– Прическа дала что-нибудь?

– Нет. Впрочем, когда она давала? – Соловьев криво усмехнулся. – Дирижабль улетел – ту-ту. Наши сейчас поселок трясут. Бродяг ищут в лопухах, нарушителей *паспортно-визового* – ну, все как обычно в таких случаях. Только даже если они притащат мне сейчас за шкирман *синяка* без алиби – я все равно не поверю, что это ОН. Понимаешь, Никита? Не поверю я в это!

– Ладно. Верю – не верю, как на ромашке. Пойдем переговорим с теми, кто ее обнаружил, потом на зообазу заглянем, – сказал Никита.

– Двоих свидетелей из дачников мы опросили и уже отпустили. Сейчас можно со сторожем побеседовать и с мужем кассирши станционной. Их дом прямо рядом с путями. Он со смены из Москвы возвращался. Считай, первый Калязину и увидел. Хороший мужик, я его знаю.

Колосов поднял бровь.

– Хороший? Он точно на той электричке ехал?

– Точно, – Соловьев снова усмехнулся. Теперь как-то печально. – Другие пассажиры это подтвердили железно.

До станции они дошли тем самым путем, который выбрала для себя Калязина, – миновали сырой душный тоннель, проложенный в зарослях бузины, орешника и крапивы, и вышли к перрону к «головному» вагону в сторону Москвы. Здесь к старой развесистой березе на лужайке одуванчиков лепилась бревенчатая будочка, где коротали время станционный смотритель и кассирша.

Сторож-смотритель – седоусый краснолицый старик в тельняшке и защитных диагоналевых брюках – сразу видно, отставник армейский, рассказывал взволнованно, но лаконично:

– Пассажиры с ясногорской электрички сошли, ну и в лес, к дачам своим врассыпную шуганули. Потом, гляжу – двое назад бегут: Васильич – муж Ольги нашей – и какой-то в очках с рюкзаком. Женщина убитая, кричат, звони в милицию. Вы к Васильичу непременно идите. Я-то с их слов знаю, а он об нее, сердешную, споткнулся.

– В промежутке между московской и ясногорской электричками никто из лесу не появлялся, не заметили? – Никита спросил это чисто машинально, *для порядка*.

На то, что бдительный свидетель тут же выложит ему приметы подозрительного субъекта, привлекшего его внимание странным поведением, он перестал надеяться уже на второй месяц службы, когда схлынул тот детективный восторг, который окрыляет новоиспеченного опера – бывшего курсанта Высшей школы милиции, когда ему дают первое самостоятельное дело (для Никиты это было добрых двенадцать лет назад – словно в небывалой, сказочной жизни, называемой юностью).

– Да я, товарищ родной, будку красил. Трансформатор видите? – сторож ткнул обкуренным пальцем куда-то за сторожку. – Краску ацетоном разводил, потом бордюр от лопухов очищал – на карачках елозил. За перроном-то я и не следил. И какие в это время пассажиры? Наши все до восьми еще уехали, кто на работу. А для дачников рановато.

– А народ с зообазы когда начинает подтягиваться?

– Да когда как, – сторож пожал плечами. – А если по правде, тот народ мало на электричках ездит. У них машина из Москвы ходит со жратвой для живности. Ну, все к ней и пристраиваются. Какие там работают, те вообще редко ездят, живут при зверях своих. Да и народу там с гулькин нос осталось. Вы вон к Васильичу идите, он кой-кого на базе знает. Сено им в прошлом году возил и в этот раз вроде подрядился.

Васильич – муж кассирши Ольги – щуплый, сожженный солнцем мужик – колол во дворе дома дрова. Увидев Соловьева, он отпер калитку, загнал в будку рвавшуюся с цепи здоровенную кавказскую овчарку, впустил гостей в заросший яблонями и вишнями садик.

– Юрий Иванович, приветствую. Заходи, присядь в холодке.

– Здравствуй, Петр Васильевич. Это вот товарищ из главка нашего, будь добр, перескажи ему, как ты эту старушку обнаружил. – Соловьев сел на врытую под яблоней скамейку. А Колосов прислонился к стволу яблони: прямо перед его лицом висели на склоненных ветвях зеленые неспелые плоды. Васильич отложил топор.

– Ну, сошел я, значит, с ясногорской. Народ кругом. Пути перешли и…

– А чего ты не домой, а на тропинку вместе с дачниками отправился? – спросил Соловьев быстро.

– Деркуну не доложишь?

– Могила – ты меня знаешь. Деркун – это наш лесничий, – пояснил Соловьев Колосову.

– Березу я себе одну облюбовал, Юрий Ваныч. О-он там, – Васильич мотнул головой в сторону леса. – Подгнила она, все равно до первой бури стоит. Ну и хотел пойти прикинуть, с какой стороны лучше валить. Березовые дрова у меня кончились. А без них как? И банька не та, парок не ароматен. И шашлычки, и печка… В печке еловые-то стреляют, опять же – искры. А березовые ровно горят. Уголь от них хороший, зола – огород удобрять, словом, нужна береза мне. Ну, пошел я, значит, по тропе. Гляжу – впереди пестрое что-то. Батюшки, женщина лежит в грязи. Думал сначала – пьяная или плохо стало. Подскочил – а ейная голова вся в лепешку расплющена. Кровищи!

– Вы тело не трогали? Не перемещали его? – спросил Никита.

– Ни-ни, что вы! Дачники, что сзади шли, подоспели. Ну, крик, шум. Звонить побежали в милицию.

– Среди этих дачников *босых* не было? – задал новый вопрос Колосов. – Ну, может, кто купаться шел – ребята, молодежь?

– Нет. Да что в нашем лесу босому делать? – удивился Васильич. – Эвон крапива какая. Сучья опять же. В сапогах шли резиновых – видел, а босых – нет.

– Так, выяснили. Вы, говорят, на зообазу сено поставляете. Там у них стадо, что ли? Коровы? Кому сено-то заготавливают?

Васильич ухмыльнулся.

– Корова-то у меня. Личная буренка. А у них там полезного скота – кошка да собака. Остальные экзотические. А сено для обезьян.

– Едят, что ли, они его? – спросил Соловьев с удивлением.

– Фиг их знает. Может, и едят. Вроде на подстилку – утеплять, а там – неизвестно. Я привезу на тачке – завхозу ихнему сдам и не интересуюсь – что, как.

– А кроме завхоза, вы кого-нибудь там знаете? – Колосов протянул руку, влекомый желанием сорвать яблоко, но сдержался. – У вас вот сад хороший… С базы никто фрукты-овощи не покупает?

– Им моих овощей не требуется, – Васильич поддернул штаны. – Им машинами это добро привозят. Опять же для обезьян. Нешто там учтут, сколько *те* съедят, сколько *эти*.

– Кто те и эти? – переспросил Никита.

– Ну, волосатые в клетках и эти в белых халатах – хозяева ихние. Обезьяна – она и есть обезьяна, рази скажет, сколько яблок да огурцов ей положили? Ну, значит, умные люди и пользуются. Берут себе. А со змеями вообще просто. Они ж твари молчаливые. Пить-есть не просят. Так что, – Васильич усмехался во весь рот, – мои овощи и мое молочко на базе не надобно. Я вон дачников отовариваю.

Молочком от «личной буренки» он их угостил напоследок. Парное, пахнущее духом июльских трав, отменное молочко. Колосов не пил такого с «Вышки» – курсантами они каждое лето работали в подмосковных колхозах, помогали с грехом пополам, а потом барствовали на колхозной ферме.

– Березе, Васильич, дай все же упасть, – сказал Соловьев на прощание. – Не конфликтуй с лесничим, нечего вам делить. Гроза будет – разживешься буреломом, и проблем никаких.

Муж кассирши выслушал совет милиции, *намотал на ус*, но остался при своем мнении.

К воротам базы они подошли в начале третьего часа. Солнце пекло немилосердно. Колосов взмок. Перед ними высились массивные ворота – железные, выкрашенные зеленой краской. Забор бетонный, наверху – колючая проволока. Базе, как пояснил Соловьев, принадлежала территория в несколько гектаров. Только небольшую часть ее занимали постройки, остальное был лес и лес.

Начальник Спасского ОВД по-хозяйски громыхнул кулаком в ворота, пробурчав комично звучащую в его устах бессмертную фразу Винни-Пуха: «Сова, открывай, медведь пришел». После короткого разговора со сторожем (или кто он там был) одна из створок бесшумно приоткрылась. Их впустили. Открывал ворота молодой парень в пестрых шортах до колен и майке «Монтана». Выглядел он растерянным: круглые очки его в тонкой серебристой оправе запотели. На курносом носу тоже, словно бисеринки, поблескивали влажные капельки.

– Вы из милиции? – спросил он, тревожно уставясь на форму Соловьева. – А участковый уж минут двадцать как ушел. Мы уже знаем про бабу Симу. Ужас, какой же ужас!

– С участковым мы разминулись, – ответил Колосов. – Ну, ничего. Вас как величают?

– Евгений… Женя.

– Женя, будьте добры, проводите нас к вашему начальству. Кто тут всем хозяйством заведует?

– Вообще Ольгин. Александр Николаевич Ольгин. Он завлабораторией. Но его нет. Сейчас вот только Олег Званцев. Он в первом секторе, я вас провожу. Идемте.

Вслед за Женей-очкариком они направились по усыпанной гравием дорожке, лавируя между подстриженными кустами сирени и жасмина. Зообаза, которую Колосов представлял себе неким подобием зверинца – чугунные клетки и тухлый запах навоза, – походила, однако, на хорошо ухоженный английский парк. В зелени кустов прятались невысокие строения: нечто стеклянное, смахивающее на теплицу, кирпичная дачка с верандой и какой-то длинный закрытый ангар.

– Вы кем работаете? – спросил очкарика Соловьев.

– Я *подрабатываю* лаборантом. А вообще я на биофаке преподаю. Вернее, – щеки Жени вспыхнули, – буду только с нового семестра преподавать.

– В прошлом году университет окончили? – Колосов улыбнулся.

– Ага. Вот только сейчас вакансия на кафедре открылась. Да и то! – парень махнул рукой. – Нашим трудно устроиться стало. Денег нет совсем: лаборатории закрываются, про-

граммы свертываются. Это вот хозяйство пока держится, и то благодаря только Александру Николаевичу.

– Много сотрудников здесь? – поинтересовался Никита.

– Что вы! Осталось нас мало, но мы в тельняшках. Сейчас вот без бабы Симы еще меньше, – Женя отвернулся. – Тут только программа Ольгина финансируется. По старой памяти, так сказать, а так! – Он внезапно остановился. – Это ограбление? Серафиму Павловну ограбили, да?

Колосов молча кивнул: пусть пока обсуждается версия ограбления.

– Но это же беспредел! – очкарик яростно затряс головой. – Среди бела дня, в людном месте! Куда милиция смотрит!

– Куда надо смотрим, – буркнул Соловьев.

– Я не имею в виду вас. Простите. Но это же просто беспредел. Полный. Их сколько было? Ну тех, кто напал на бабу Симу, – двое, трое? Это хулиганы, бродяги, да?

– Мы имеем несколько версий происшедшего, – ответил Колосов уклончиво. – Сектор первый здесь? – он указал на подобие теплицы.

– Нет, нет. Там серпентарий. Нам не туда.

«Слава Богу», – Колосов едва не перекрестился. Он не выносил змей. Даже по телевизору их не любил смотреть.

Однажды, купаясь в Оке в Озерах, увидел в плавнях ужа. И ведь точно знал – уж это, брюхо желтое, а в воду потом залезть уговаривал себя битых два часа!

– Яд, что ль, вы тут добываете змеиный? – полюбопытствовал Соловьев. – Змеи-то зачем?

– Да для разного. Опыты, – ответил Женя.

– Опыты! Вы тут осторожнее. В прошлом году расползлись ваши гадюки, чуть район мне не перекусали. План «Сирену» хотел вводить.

– Ну, за территорию-то только два ушли. И то – *полозы*, – беспечно сказал лаборант. – А ядовитых они сами тут переловили.

– А есть сильно ядовитые? – насторожился Соловьев.

– Смертельно. – Очкарик взглянул на сотрудников милиции свысока: знай, мол, наших.

Когда они проходили мимо кирпичной дачки, из открытой двери донеслось тревожное попискивание зуммера.

– Ой, таймер сработал, – спохватился лаборант. – Мне аппаратуру надо срочно переключить. Вы идите во-он по той дорожке. Там летний обезьянник. Званцев там сейчас. А я вас догоню через секунду.

Колосов и Соловьев обогнули ангар и вышли на небольшую заасфальтированную площадку. К задней стороне ангара лепились клетки с решетками. Вид их наконец-то напомнил Никите долгожданный зоосад.

Две крайние клетки справа пустовали: внутри все чисто, убрано, вымыто. Они пошли мимо клеток к еще одной дачке – бревенчатой избушке с резным крыльцом и наличниками. Дверь ее была распахнута настежь. Ветер колыхал белую марлю, спасающую от комаров и мух. Третья клетка справа тоже пустовала. В углу ее красовалось толстенное поваленное дерево с корявыми сучьями. С потолка на длинном резиновом канате свисала автомобильная шина. Она раскачивалась – словно кто-то всего несколько секунд назад забавлялся на этой самодельной «тарзанке».

А вот из следующей клетки на Колосова смотрело… розовое морщинистое лицо. Это было столь неожиданно, что Никита подошел почти вплотную к прутьям решетки. Обитатель клетки был меланхоличен и волосат – черная обезьяна-шимпанзе, удивительно смахивающая на старого гнома из сказки.

Шимпанзе по-бабьи подпер голову кулаком, пригорюнился и внимательно и скорбно изучал стоящего перед ним начальника отдела по раскрытию убийств. Сделав собственное заключение о его внешности, шимпанзе вытянул губы трубочкой, издав разочарованное «у-у-у-у».

– Ох, ты, приятель! Какой ты, брат, серьезный, – Никита невольно протянул руку к прутьям.

– Не надо подходить к клеткам! – раздался за его спиной тревожный окрик.

Эхом ему из *камер* (так Никита по привычке окрестил жилища обезьян), расположенных за клеткой грустного шимпанзе, ответило настороженное уханье, а затем пронзительный визг – словно гигантской ножовкой водили по стеклу.

Молодой человек – невысокий, толстенький, в белом халате и детской панаме в голубой горошек – быстро спускался с крыльца, направляясь к сотрудникам милиции.

– Вы кто? Что вам здесь нужно?

Колосов представился.

– А, ясно. Очень приятно. Вернее, предпочел бы познакомиться с вами в другом месте и при других обстоятельствах, но… Званцев, Олег. – Он протянул короткопалую загорелую руку, заклеенную в нескольких местах полосками лейкопластыря.

Колосову было неловко здороваться рукой в перчатке. Он протянул Званцеву левую. Тот крепко пожал ее и заметил:

– Правая травмирована?

– Нет. Вернее, да… дрянь какая-то, – Колосов поморщился.

– Снимите, я взгляну. Да снимите же! Разве можно в такую жару в коже ходить! Вы так только все усугубляете.

Никита с удивлением отметил, что он послушно стягивает перчатку.

– Да, экзема, – Званцев бережно осмотрел руку. – Выбросьте вы эту перчатку. Вы что, вратарь, в самом деле? Мазь вам врач прописал?

– Прописал.

– Так лечитесь. А руке дайте дышать. Пусть ее ветром обдувает, солнышком сушит. А в перчатке только хуже.

Никита спрятал перчатку в задний карман брюк.

– Новости плохие, я понял, вы, Олег, уже знаете.

– Знаю. Участковый приходил, – Званцев тяжко вздохнул. – Я живого участкового впервые видел. До этого только Анискина по телевизору. Вы меня, конечно, извините, но то, что произошло с Серафимой Павловной, – это полный беспредел, чудовищный беспредел.

– Слыхали мы про беспредел, – Соловьев нахмурился и сразу стал похож на бодливого бычка.

– Здесь же дачное место, сорок пять километров от Москвы, а не тайга глухая! Я здесь уже три года работаю – ничего подобного никогда не было!

– Вот. А говорите – беспредел. Единичный случай, – ввернул Соловьев.

– Юра, погоди, – остановил его Колосов. – Давайте-ка по порядку. Где мы можем спокойно поговорить?

– Хотите, ко мне пойдем, – Званцев кивнул на избушку. – Живу там и бумажки свои пишу, а если жарко под крышей – можно на крылечке посидеть.

Колосов выбрал крылечко.

– Сколько времени Калязина здесь работала? – спросил он, когда они уселись на нагретые солнцем ступеньки.

– Лет пять, наверное. Да – пять, это при мне. И до меня еще сколько! В нашем институте баба Сима – старожил. Она, кажется, сразу после войны пришла.

– И все эти годы лаборанткой? Это что-то типа подсобного разнорабочего? – уточнил Никита. – Колбы мыла?

– Ну почему колбы. Нет, не только. У нас работы хватает. Одно время она, кажется, и в музее была. Потом сюда ушла, на базу, здесь платят больше.

– За живностью ухаживала?

Званцев покачал головой.

– За живностью я здесь ухаживаю. И Ольгин Саша. Баба Сима скорее за нами ухаживала. А так как у нас суточные дежурства иногда случаются, то и за питомцами следила. Визуально, не то чтобы сама во что-то вмешивалась, а так – заметит что-то – нас с Ольгиным тут же в известность поставит. Прежде она вместе с нами обезьян кормила и клетки чистила, но с тех пор как Хамфри…

– Это кто такой? – спросил Колосов.

Званцев мотнул головой в сторону клетки.

– Есть тут у нас один деятель. Ну, в общем ситуация кой-какая изменилась. И баба Сима стала только в рельсу бить если что, а мы с Сашей – с Александром Николаевичем то есть – меры принимали.

– В рельсу бить, значит… было, видно, с чего тревожиться. А сегодня она во сколько ушла с базы?

– Сегодня в половине девятого. Ночь у нас паршивая была. В половине девятого как раз Женя приехал на ясногорской электричке – сменщик бабы Симы. Ну а она домой стала собираться.

– У нее есть семья? – спросил Соловьев. Он вытягивал шею и все время смотрел в сторону клеток.

– Дочь, зять, внучка. На даче все сейчас под Звенигородом. У бабы Симы три выходных через сутки, вот она и торопилась: ей ведь еще по магазинам в Москве да снова на электричку – к дочери.

– Родственникам надо сообщить, – Соловьев достал из кармана милицейской гимнастерки маленький блокнот. – Телефон у вас ее есть домашний?

– Есть. Только они ведь на даче. Ну, завтра хватятся. Эх! – Званцев снял панаму, вытер лицо. Был он наголо брит, и это придавало ему разбойно-залихватский вид.

– Ваши сотрудники всегда электричками пользуются? – спросил Колосов.

– Не всегда. Два раза в неделю у нас от института идет машина с продуктами и кормами. Подстраиваются обычно под нее. Но баба Сима всегда пешком ходила: все торопилась – сумку на руку и пойдет шагать!

– Она ведь пожилая, так чего ж работала, с внучкой не сидела, как все бабушки?

– Да так, вроде работала всю жизнь – говорила мне, что привыкла. И своим помогала. Тут хоть, по вашим меркам, платят не густо, – Званцев криво усмехнулся, – но бабе Симе все доход. На нее грабитель напал, да? Так у нее ж брать нечего! Неужель не видел, подонок такой?

– Грабитель – это одна из наших версий. – Колосов полез в карман за сигаретами. – Не повредит вашей живности, если закурю?

– Курите. Клетки далеко отсюда.

– А почему к ним приближаться нельзя? Обезьяны вроде безобидные. Это ж не хищники, – поинтересовался Соловьев.

Званцев только усмехнулся. Усмешка вышла мрачной. Помолчал.

– Кто из ваших сотрудников последним видел Калязину? – Колосов безуспешно щелкал зажигалкой – бензин, что ли, кончился? Без перчатки он чувствовал себя превосходно и был благодарен этому ученому малому в детской панамке за его грубоватую деликатность.

– Я видел. И Зоя. Она с ней у ворот разговаривала.

– Зоя?

– Зоя Иванова – наш ветеринар. Ее апартаменты там, за серпентарием. Она, кажется, за ней и ворота закрыла.

– А почему у вас такие предосторожности? Забор, ворота, проволока? Обезьяны ведь все равно в клетках сидят.

– Ну, у нас там, – Званцев махнул рукой в гущу парка, – есть и открытые опытные площадки. Только… А эти заборы… Видите ли, приматы – создания очень впечатлительные. Нам не хочется лишний раз их беспокоить. А не будет проволоки – детвора полезет окрестная, да и взрослые сейчас сами знаете какие. А нам здесь чужие ни к чему. Только работе повредят.

– Серьезная работа? – осведомился Колосов.

Званцев снова усмехнулся. На этот раз двусмысленно. Но объяснять не стал.

– А вы сами с гражданкой Калязиной до станции вместе ходили? – спросил Соловьев.

– Нет. Ни разу. С ней иногда Зоя ходила, Ольгин тоже, бывало, когда в Москву зачем-нибудь срывался.

– Ольгин – ваш начальник?

– Он руководит лабораторией. Но он вот уже как три дня безвылазно сидит в институте.

– А где располагается ваш институт?

– В Колокольном переулке – между Арбатом и Большой Никитской.

– Ого! Так вы, оказывается, соседи наши. – Никита бросил окурок, затоптал его, поднялся. – А можно с ветеринаром вашим переговорить?

– Пойдемте.

Они шли мимо клеток. Колосов с любопытством разглядывал их сидельцев, уже не делая попыток приблизиться.

– Это Флора, познакомьтесь, – Званцев указал на прислонившуюся к бетонной стене крупную самку шимпанзе с обвислым волосатым животом. На посетителей она не обращала ни малейшего внимания: разглядывала свои вытянутые ноги, шевелила кривыми пальцами, недовольно ворча.

Грустный гном звался Чарли. Он снова приветствовал незнакомцев долгим «у-у-у-у». Потом аппетитно чмокнул губами. Когда Званцев подошел к клетке, Чарли издал капризное повизгивание.

– Что, голова болит? – осведомился Званцев. – А что ж ты, простофиля, на самом солнцепеке сидишь? Ну-ка дай, дай головку пощупаю, – он просунул руку сквозь прутья и безбоязненно положил на макушку шимпанзе. – Ну-ка, иди в тот угол, иначе удар схватишь. Иди быстро. Я кому сказал!

Чарли нехотя поднялся. Стоял он на четвереньках, упираясь костяшками пальцев правой руки в бетонный пол. Постоял, поразмышлял и вразвалочку заковылял в затененный угол клетки.

– Как дети малые! Чуть отвернешься, и… – Званцев покачал головой.

Тут из соседней с Чарли клетки, той, пустой, с раскачивающейся шиной, донеслось глухое «ух, ух».

– Хамфри вас увидел. Близко не подходите. У него руки в два раза длинней ваших. И силы в них в сто раз больше, – предупредил Званцев.

Хамфри был очень крупным шимпанзе. Колосов сразу понял по его виду, что это – зрелая, сильная, много повидавшая на своем веку обезьяна. Он сидел у самых прутьев. Смотрел на пришельцев исподлобья – внимательно и настороженно. Колосова донельзя поразил умный, осмысленный взгляд этих черных блестящих, близко посаженных глазок, сверливших его из-под тяжелых надбровных дуг.

– Почему они у вас на английском именуются? – спросил он.

– Они все гости из-за «бугра». К именам с детства привыкли. Чарли и Флора приобретены из Берлинского зоопарка. Была там одна история – вот после нее наш институт их и приобрел. А Хамфри – герой и красавец мужчина, ему восемнадцать лет стукнуло, сейчас он в расцвете своем – прежде в цирке выступал. Так сейчас вот на заслуженном отдыхе.

– Это в расцвете таланта? – усмехнулся Колосов.

– В цирке работают только с молодыми шимпанзе. Такой геркулес, как Хамфри, там уже непригоден.

Услышав незнакомые голоса, Хамфри весь напрягся, затем уцепился за прутья и легко приподнялся. Никита не мог оторвать взгляда от груди и плеч этой обезьяны. Они составили бы честь любому борцу: видно было, как под черно-серебристой шкурой перекатываются бугры мышц. Хамфри снова издал свое «ух, ух». Затем умолк, плотно сжав губы, и выжидательно уставился на Колосова.

– Вы его заинтересовали, – сообщил Званцев. – Хамфри заинтригован. Ладно, старик, не кипятись, – обратился он к шимпанзе. – Это люди хорошие.

Шимпанзе издал тот самый резкий пронзительный визг – нож по стеклу и то приятнее, – обнажив розовые десна и кривые желтые зубы. Очень внушительные зубы. Колосов завороженно смотрел на обезьяну. Ничего подобного он в жизни не видел, ну и дела! Встретившись с его взглядом, Хамфри завизжал еще громче. Схватился за прутья, потряс их, затем с размаху ударил по ним длиннопалой ногой.

– Не смотрите ему в глаза. Это для него вызов, признак угрозы. Смотрите куда-нибудь вбок, – шепнул Званцев.

Никита быстро опустил голову. И тут взгляду его предстало то, что поразило его до глубины души: перед ним мелькнула занесенная для нового удара по прутьям нога шимпанзе. Розовая ступня ее была покрыта коркой жирной засохшей грязи. И это при том, что бетонный пол в клетке Хамфри был отмыт добела!

Глава 4 ДОМАШНИЙ УЖИН

После разборок с африканскими наркодельцами Сергей Мещерский твердо намеревался бездельничать и отдыхать. На этот день, пятницу, у него, правда, было запланировано еще одно мероприятие – посещение Музея антропологии, палеонтологии и первобытной культуры при НИИ изучения человека. Однако электронные часы в вестибюле ГУВД показывали уже половину шестого, а музей закрывался в пять. К тому же Катя выражала нетерпеливое желание ехать домой. «Я есть хочу!» – повторяла она через каждые пять минут. И Мещерский решил, что на сегодня с дневными трудами покончено.

– Ужинать так ужинать, – провозгласил он. – Куда едем? К тебе или ко мне? Если ко мне – учти, там Вадим Андреевич биваком расположился.

Катя скривилась. Вадим Кравченко, *ее молодой человек*, вот уже многие годы заявлявший на нее все мыслимые и немыслимые права при весьма зыбких обязательствах, к тому же лучший друг Мещерского, поссорился с ней ровно три дня назад. Ссора произошла из-за пустяка (так, по крайней мере, казалось Кате). А Кравченко вдруг полез в бутылку. И вот уже три дня он демонстративно жил у своего закадычного дружка и выдерживал характер.

Катя знала обоих приятелей Бог знает сколько времени. Несмотря на то что ближе их у нее никого не было, она тем не менее относилась к ним довольно иронично. Но вместе с тем она очень их любила. Да и как их не любить? Они такие забавные! К тому же оба они были *мальчиками из очень приличных московских семей*. А в душе Катя была ужасной снобкой.

После окончания Института имени Патриса Лумумбы оба поступили в солидные по тем временам конторы. Кравченко до 1992 года служил в КГБ, а Мещерский тянул лямку военного советника. Однако затем оба они круто поменяли свою жизнь. Кравченко подался в телохранители и стал начальником охраны у известного московского *притчи во языцех* «предпринимателя» Василия Чугунова (более известного с Вадькиной подачи как Чучело), а Мещерский, поработав в военной фирме и накопив первоначальный капиталец, ушел из «Росвооружения» и начал вкладывать деньги в туристический бизнес.

Сейчас он являлся основателем Российского турклуба и почетным членом Московского географического общества.

У каждого из приятелей имелось и свое индивидуальное достоинство: рост Кравченко, например, составлял сто восемьдесят восемь сантиметров, к тому же он был яркий блондин (Катя млела от блондинов). А Мещерский, хотя и не перевалил за сто шестьдесят пять, был душой-человеком и к тому же потомственным князем.

В 1995 году, когда Российская геральдическая ассоциация подтвердила права и титул князей Мещерских, он на всех визитных карточках нашлепал собственный заковыристый герб. Недостатков, впрочем, у друзей тоже хватало, но… Катя вспоминала о них в самые мрачные свои минуты, твердо помня притчу о соломинке и бревне.

На квартиру Мещерского, расположенную в заново отремонтированном бывшем доходном доме на Яузской набережной, они приехали в начале седьмого. Сергей открыл дверь, впустив Катю в сумрачную, заставленную разным барахлом прихожую. Весь скарб африканской экспедиции, организуемой Российским турклубом, от надувных палаток «Рибок» до ящиков с тушенкой, казалось, перекочевал сюда. Катя дважды обо что-то споткнулась, прежде чем добралась до ванной. Из комнаты, называемой *«географической»* – вместо обоев стены ее покрывали карты мира и материков, – доносился хрипловато-ленивый, отлично знакомый Кате голос: Вадим Кравченко судачил с кем-то по телефону.

– Да он же из бывшей *девятки*, понял – нет? Он же собаку на этом съел! – сипел он в трубку.

Катя затаилась: «девятка» в устах Кравченко могла означать только одно – Управление охраны правительственных особ, где он прежде подвизался с переменным успехом.

– Да бери его смело, я ж его знаю, – распоряжался Вадим. – И Сан Саныч с ним пуд соли съел. Как говоришь, проверку? Ну, устрой, устрой ему, потешь душеньку. Только чур – не калечить. Если что, я его и к себе возьму. Дам я ему рекомендацию, не ори. И Севе в Ассоциацию телохранителей звякну. Они откликнутся. Там традиции *девятки* блюдут.

Завидев Катю, Кравченко выпрямился в кресле и буркнул в трубку:

– Ну ладно, тут ко мне пришли. В курсе меня держи и помни: его кандидатура уже обговорена. – Отодвинул телефон, встал и чопорно и комично кивнул Кате, всем своим видом излучая обиду и недовольство.

А она – человек до наивности отходчивый и мягкий – решила, что пора мириться.

– Ты простудился? – спросила самым заботливым тоном.

– Удивительно, что вас, Екатерина Сергеевна, интересует состояние моего здоровья. Если я подохну, вы и слезинки не уроните, – молвил Кравченко ядовито, приложил руку к широченной груди и надсадно кашлянул. – Вы меня ночью из мягкой постели выставили под проливной дождь! А теперь еще о простуде спрашиваете! Великие пираты, да этакой наглости…

– Тебя никто не выставлял, ты сам…

– Я у вас всегда во всем виноват, в любой ситуации меня мордой об стол тычете, мне не привыкать. – Когда Кравченко желал подчеркнуть тяжесть нанесенной ему незаслуженной (как он воображал) обиды, он всегда разговаривал с Катей на «вы».

Помолчали. В комнату заглянул Мещерский, тактично пережидавший в кухне.

– Ну, как вы?.. Кать, я там из морозилки сардельки вытащил. Их с соусом как делать? Я что-то забыл, пойди разберись. Вадь, это Двойкин звонил, да? Им вышибала нужен? А как, кстати, узнать, дельного телохранителя нанимаешь или нет? – затараторил он, стараясь вовлечь поссорившихся в общую беседу.

Катя демонстративно отправилась на кухню. Кравченко развалился в кресле и засипел:

– Рекомендации надо спрашивать, Серега, бумажки читать внимательно с прежнего места службы. Если из детективного агентства лба нанимаешь – узнай сначала все о самой фирме: есть ли лицензия, каков послужной список, кого охраняли, где прокололись.

– Прокололись – другими словами, не уберегли, клиента у них шлепнули, да?

Катя закрыла за собой кухонную дверь – пусть балаболят. Сейчас Кравченко перья распустит, расхвастается насчет своего охранного опыта – мигом горлышко пройдет. Знаем вас и ваше воспаление хитрости!

Она старательно готовила ужин. Сардельки жарились в печке, соус булькал на плите. Достала из холодильника масло, помидоры. Нашла баночку сладкой кукурузы. Мещерский знал, что она ее обожает, и всегда держал запас. Милый Сереженька, заботливый, не то что…

За стол сели через полчаса. Мещерский достал из холодильника бутылку пива. Кравченко облокотился на стол.

– Бронхит в туберкулез переходит, нет? – спросил он печально.

Катя не удержалась и хихикнула.

Мещерский схватил его тарелку.

– Съешь сардельку горяченькую. Тебе соусом полить? Катя готовила.

– А он не ядовитый?

Мещерский пропустил замечание мимо ушей.

– Я, ребята, вчера анекдот слышал, – начал он жизнерадостно. – Встречаются, значит, чукча, Клинтон и Берия. Клинтон и говорит… Черт! Забыл. Забыл, что говорит Блин Клинтон. Вадь, а почему все нынешние анекдоты столь неуклюжи? Народ прежде такое загибал, а теперь…

– Народ! – Кравченко хмыкнул. – Какой народ, Сережа? Перекрестись. Все анекдоты, что сейчас в классические сборники входят, выдумывали знаешь где? В домике на кругленькой площади с памятником партайгеноссе «Д». Кабинетик там был под самой крышей под зеленой лампой. Как общество «Арзамас». Собирались штатные сказители от капитана и выше и… За пять минут на любую тему с любым персонажем историю могли слепить. Об этом даже анекдот ходил, – он открыл было рот – рассказать, но взглянул украдкой на Катю и сдержался, – неприличный, при дамах не буду.

– Сказители, значит, ясненько, – Катя отправила в рот ложку кукурузы. – Значит, о любых персонажах могли?

Кравченко вздохнул.

– Ну, а про… Колобка могли, непристойный только.

– Сидят чукча, Колобок и Екатерина Сергеевна на сочинском пляже, плетут небылицы и… – Кравченко внезапно вспомнил что-то. – Вот у нас в институте мастак один был на анекдоты. Сереж, Витьку Павлова помнишь? Мозги у него, как у Жванецкого были, а язык подвешен, как у Лени Якубовича. Помнишь его, а?

– Он мне звонил, – лаконично изрек Мещерский.

– Когда?

– Последний раз – позавчера. А так мы с ним с марта перезваниваемся. То он мне, то я ему.

– А-а, ну ты с ним и раньше связи не терял. Он где сейчас?

– Работает в турагентстве «Восток» менеджером. Давно уже, года четыре. Там дела у них – швах, банкроты они.

– А чего звонит?

– Да у нас дела с ним, – пояснил Мещерский. – Его тетка в Музее антропологии работает старшим научным. Ты же знаешь, наша экспедиция разные задания будет выполнять, ну их программу тоже. Он меня с нею и познакомил. А второе – он насчет усыновления справки наводил. Я вот через Катю все ему узнавал.

Кравченко покосился на Катю, отправил в рот сардельку, набулькал в кружку пива. («И горлышко бронхиальное прошло!» – злорадно отметила та.)

– Он ведь от Ленки Серовой ушел, я слышал. Они давно вроде разбежались, – заметил Вадим. – Кого ж он тогда усыновляет?

– Сказал, что после развода так и не женился. А тут были у него друзья – китайцы, представляешь? Муж и жена. Врачи. Он с ними в Таджикистане познакомился. Ну, якобы они там погибли – ехали по дороге на Мургаб, их «духи» обстреляли. Остался у них пятилетний сынок-сирота. Вот он этого китайчонка и усыновлял. Катя мне вон весь порядок в отделе по несовершеннолетним узнала: какие бумаги нужны, куда направлять.

– Альтруист Витька, ишь ты, – заметил Кравченко, вперяя в Катю пронзительный взгляд. – К семейному очагу мужика потянуло. А веселый он парень был в институте. Душа нараспашку. За это его и в *Контору* не взяли, и из дипломатов поперли. Он переводчиком вроде подвизался потом?

– Ага, – Мещерский смаковал пиво. – Завтра я в музей к его тетке иду, она доктор наук, хранитель всей экспозиции. Музей там классный, только закрытый.

– А можно тогда с тобой? – спросила Катя. – Ну, если он закрытый для зевак, значит, там есть что посмотреть. Завтра все равно суббота. Там динозавры, да? Скелеты?

– Там всего хватает. Вадь, а ты… – Мещерский подмигнул. – Витька туда тоже подскочит. Сокурсника не желаешь повидать?

Кравченко все смотрел на Катю. Она подняла глаза от тарелки – ну на тебе, на, скандалист! Ее взгляд, видимо, что-то ему разъяснил. Однако он не желал так быстро капитулировать. Налил себе пива, спросил томно:

– Кости-то допотопные по какому адресу хранятся?

– В двух шагах от Катиной «управы», в Колокольном.

– В Колокольном? Там напротив ресторанчик есть корейский. Так?

– Есть, есть.

– Тогда ладно. Поскучаем в музее, пылью подышим, зато потом встречу сбрызнем.

– В корейском дорого, – заметила Катя.

– Что? – Кравченко повернулся к ней.

– Дорого в корейском. И пакость там всякая. Пауки заливные.

Вадька отодвинул тарелку. Взглянул на наручные часы. Демонстративно зевнул.

– Половина десятого… Серега, поздно уже, да? Как, на твой взгляд? Гостей вон пора выставлять. На хауз.

Мещерский улыбнулся. Катя поднялась. Кравченко поднялся следом.

– Посуду моет хлебосольный хозяин.

– Ладно, – Мещерский двинулся за ними в прихожую, – встретимся у музея в четыре.

Катя открыла дверь и направилась к лифту. Кравченко шествовал следом, позвякивая ключами от машины.

В тесной кабинке лифта лед ссоры растаял окончательно. Лифт – удобное изобретение для таких субъектов, как В. А. Кравченко. Между третьим и вторым этажами мир был окончательно и бесповоротно заключен. Вадька успел расставить все точки над «и».

Глава 5 МУЗЕЙ

Суббота стала преддверием тех удушливо жарких дней, что обрушились на Москву в середине июля. Катя проснулась в начале восьмого. Ей показалось, что она каким-то образом очутилась в парной бане: не продохнуть, воздух в комнате точно теплая вата или кукуруза поп-корн. Вадим тихо посапывал рядом. Если не просигналит электронный радиобудильник – может дрыхнуть до обеда. Она хотела было из вредности нажать на клавишу музыки в будильнике и оглушить его какой-нибудь «Армией любовников», но потом все же пожалела: пусть спит. «Мое чувство глубокое, как океан» – его шуточки, его родинка на левой ключице… Она осторожно выскользнула из постели и направилась в душ.

Кравченко покинул почивальню не скоро. Катя успела уже выпить кофе и посмотреть по кухонному телевизору «Тома и Джерри» по шестому каналу.

– Ну, чем займемся до четырех? – осведомился Вадим, выходя из ванной и растираясь махровым полотенцем.

Она пожала плечами. Улыбнулась.

– Тогда у меня есть предложение, – бодро начал он, обнял Катю и потянул ее в комнату.

– Нет, – она, смеясь, отстранилась.

– Нет?

– Потом.

– Последнее время я слишком часто слышу все эти *«потом», «хватит»* и это твое любимое, – он щелкнул пальцами. – Любимое *«не надо»*.

– Завтракать садись.

Это простенькое замечание мгновенно переменило ход его мыслей. Через секунду он уже уплетал яичницу с помидорами и яростно тыкал в кнопки тостера, тщетно пытаясь поджарить себе и Кате гренки с сыром. Затем Кравченко устроился в кресле с журналом, придирчиво разбирая новую Катину статью в «Авторалли». Он считал себя самым умным и беспристрастным Катиным критиком, хотя, если честно, мало что понимал в ее ремесле.

– Ты чем сейчас занята? – спросил он, окончив чтение и критику.

– Материал о торговцах наркотиками собираю. Борьба с героином в Подмосковье.

– Дожили. Разбогатели, ишь ты! – Кравченко покачал головой. – К элитным наркотикам уже хваталки свои немытые потянули. Конопли, что ль, с *ридной Украйны* мало стало? Сережка тебе помогает, а?

– Он Петрову переводчиком служит. Там африканцы на подозрении.

– А я, к твоему сведению, на этой неделе свободен как птица. Мое Чучело (так Кравченко именовал своего работодателя Чугунова) в Сочи подалось. Приедет только в следующем месяце. Ну, конечно, в офисе делишки кой-какие набегут, но это мелочи. Вполне могу послать на… ну, в общем, далеко послать. Может, на дачу к твоим махнем? К отцам фамилии?

– Может быть, в выходные.

– Слушай, а возьми недельку за свой счет, а? Поедем куда-нибудь на Оку. Или на Клязьму. Там домов отдыха до черта. Устроиться можно очень даже просто.

– Нет, Вадь. – Катя вздохнула и села на подлокотник кресла. – Не получится. У нас все в отпусках. Меня никто не отпустит, да и…

– Что?

– Я сейчас, даже если бы меня в отпуск силой выгоняли, не ушла бы. Там дело какое-то… Колосов занят сейчас…

При упоминании фамилии начальника отдела убийств лицо Кравченко выразило спесивое раздражение. Он так весь и надулся – Кате захотелось поступить с ним так, как поступают с воздушным шариком, когда в руке зажата булавка.

– Ясно-понятно, – он передернул плечами.

– Ничего тебе не понятно. Там убийство. Все о маньяке шепчутся. Говорят: новый Удав.

– Детей бьет?

– Точно не знаю, но похоже.

– Девочек? Мальчиков?

– Не знаю. Но узнаю непременно.

– Слушай, я давно хочу поинтересоваться, – он снова зашуршал страницами журнала. – А чего ты никогда об этаких событиях не пишешь?

– Каких – этаких?

– Ну, модных: мафия, разборки крутые, золото партии, коррупция. У вас вон в области сколько случаев было, когда разных чинуш на тот свет отправляли на заказ: главу администрации, мэра какого-то. А ты об этом ни полстрочки в прессе.

– Ты хочешь, чтобы я писала о золоте партии? О коррупции?

– Не-а, – он ухмыльнулся.

– То-то. Тухлая тема, Вадечка. Сплошной сероводород. И вообще, – Катя тряхнула волосами, – я твердо уверена, что самые жуткие, самые запутанные преступления совершаются именно в низах, именно в провинции. В самом банальном на первый взгляд деле можно иногда отыскать такое! Смело можно сюжетом брать для классической трагедии. А золото партии и мафия – это для подготовишек, милостыня на нищету воображения.

– Ишь, расхвасталась, талантливая ты наша, – он сгреб ее в охапку. – Задаетесь, мисс. Пора наказывать. Розги уже приготовлены. Вот этим сейчас и займемся. До четырех.

Без четверти четыре они приехали в Колокольный переулок. Катя всю дорогу тихо таяла и беспрерывно пила воду из жестяной банки. Разнежившийся Вадька шепнул ей там, в полумраке задернутых от солнца штор: «На черта нам этот музей сдался, а?» Тогда она велела ему одеваться. А теперь после сорокаминутной езды на троллейбусе по раскаленной Москве ее посетили глубокие сомнения: и действительно, *на черта*?

На тротуаре их, однако, ждал Сергей Мещерский. Рядом с ним стоял молодой мужчина, державший за руку ребенка лет пяти. Катя помахала им рукой.

– Добрый день, вот и мы.

Кравченко уже обнимался с мужчиной:

– Витька, орел, ну-ка дай на тебя взглянуть! Вот, Катя, познакомься, наш с Серегой однокурсник по незабвенной Лумумбе – Виктор Павлов.

Катя протянула руку Павлову. Он был среднего роста, спортивный. Лицо – ничего особенного, обыкновенное: серые глаза, задумчивые и внимательные, брови упрямые, пепельные волосы коротко, по-модному острижены.

Ребенок заинтересовал ее больше. Он задрал черноволосую головку и разглядывал галдящих взрослых со сосредоточенной важностью. Это был мальчик, очаровательный «монгольчик»: глазки – черные щелочки, щечки – пухлые и румяные, как яблочки. И весь он был такой упитанный, кругленький – настоящий бутуз с картинки.

Катя присела.

– Привет, давай знакомиться.

Мальчик тут же доверчиво протянул ей руку – маленькую, смуглую, всю в ямочках. Она осторожно пожала пальчики.

– Меня Катя зовут, а тебя?

Малыш молча смотрел на нее.

– А нас зовут Чен Э, император Поднебесной, – Павлов наклонился над ними. – Мы рады познакомиться с такой милой девушкой, правда, – и он весело подмигнул Кате. Потом, когда она выпрямилась, он шепнул ей: – Он не может вам ответить. Он глухонемой от рождения. У нас с ним свой язык.

Катя тревожно взглянула на малыша, но тут он улыбнулся ей так весело, так хитро сверкнули его глазки-щелочки, что ее печаль улетучилась сама собой.

– Ну, Чен Э, давай ручку. Пойдем смотреть разные интересные вещи.

Мещерский, Кравченко и Павлов оживленно беседовали и отстали. Катя с трудом открыла массивную дубовую дверь, возле которой на стене на черной зеркальной вывеске красовалась надпись: «Музей антропологии, палеонтологии и первобытной культуры при НИИ изучения человека», и они с Чен Э вошли в просторный прохладный вестибюль. После жгучего солнца здешний сумрак показался Кате раем.

– Вы к кому, девушка? – окликнула ее толстая вахтерша в красной косынке. – Музей закрыт.

– Мы к Нинель Григорьевне, – ответил вошедший Мещерский. – Она нас ждет.

– Вот телефон, звоните 2-40, – буркнула вахтерша. – Спустятся – проведут, а так не пущу.

Телефон, однако, не отвечал. Вахтерша сурово поглядывала на незваных гостей. Тут вошли Павлов и Кравченко.

– Почему стоим? – удивился Павлов. – Тетя Маша, «но пасаран», да?

– Пасаран не пасаран, а не положено. Пусть их те, к кому идут, встретят.

– Да они ж со мной!

– А ты сам тут седьмая вода на киселе.

С Павловым вахтерша говорила ворчливо, но добродушно. Было видно, что человек он здесь – свой.

– Вы подождите минутку, я наверх слетаю. Сейчас приведу кого-нибудь, – Павлов двинулся к лестнице.

Увидя, что он уходит, Чен Э отпустил Катину руку и заковылял следом. «Настоящий колобок из анекдота, тот, что сидел со мной на сочинском пляже, – подумала Катя умиленно. – Вадька-то провидец». Павлов присел на корточки, его пальцы быстро замелькали: азбука глухонемых. Но малыш понял все преотлично – повернул назад, но по дороге замер в восхищении перед одной из фресок, украшавших стены музея, изображавшей охоту на пещерного медведя.

В ожидании «конвоя» Катя вместе с мальчиком путешествовала по вестибюлю, разглядывала росписи: «Добывание огня», «Совет племени» – полулюди-полуобезьяны ссорились на Скале Совета. Чен Э испугало изображение зубастого ящера посреди папоротников и хвощей.

– Глупыш, это ж динозаврик, – Катя погладила черноволосую головку китайчонка. – «Парк юрского периода» смотрел?

– Я смотрел, – Кравченко деловито погладил роспись. – Не Васнецов в Историческом, но впечатляет.

– Тетя Маша! Все улажено! – Павлов в сопровождении полного брюнета уже спускался по мраморной лестнице. – Вот Саша, Александр Николаевич словечко за гостей замолвит.

– Ольгин, – брюнет поздоровался с Мещерским и остальными. Кате он вежливо улыбнулся. – Пойдемте, Нинель Григорьевна ждет.

Катя исподтишка его разглядывала. Ну, очень даже ничего мужчина: чем-то похож на Павла Луспекаева – темные мягкие глаза, волосы зачесаны на косой пробор, широкие и сильные кисти рук, плечи – косая сажень. Лет ему, наверное, сорок, может, чуть больше…

Они шли по длинному коридору, где слева были пробиты окна, а справа – высокие дубовые двери с начищенными до блеска латунными ручками. Место это напомнило Кате коридор в старом здании университета на Моховой. Ольгин вдруг присвистнул и до пояса высунулся в открытое окно.

– Ну ты смотри, что делают паразиты! – ахнул он. – Вы что, офонарели?! Легче, я вам говорю! Легче!

За окном из внутреннего двора музея сквозь арку ворот тщетно пытался выехать грузовик. А в его кузове – Катя едва не упала от восторга – сидел… огромный зеленовато-коричневый доисторический ящер, весь в шипах и каких-то бляхах.

– Что это? – прошептала она.

– Легче! Он же не проходит! Сень, разуй глаза! Выключи мотор! – кричал Ольгин.

Грузовик остановился.

– Это стегозавр из папье-маше. Чертова кукла! Когда Зоологический на Никитской ремонтировали, нам его сплавили. Теперь вот назад возвращаем, – пояснил Ольгин. – Сень, вы его боком положите, он же легкий!

– Легкий! Сам потягай эту образину, Сан Николаич! – ответил снизу бас шофера.

– Вы идите по коридору прямо, потом направо. Двести восьмая комната. Я пойду разберусь. А то они ему все шипы поотшибают – не расплатимся потом. Завсекцией палеонтологии у нас в срочной командировке – вот и приходится за всех все, на два фронта, – он махнул рукой и ринулся назад.

Кравченко многозначительно посмотрел на Мещерского. Тот только пожал плечами.

В кабинете, куда они вошли, Катю поразило все: от его хозяйки до обстановки. Хозяйка – представительная седая дама, внушительная и важная, как стопушечный испанский галеон, разговаривала с кем-то по телефону:

– Боже… Боже мой!.. Какой ужас!.. Кто бы мог подумать… Это ограбление? С похоронами мы поможем… конечно, конечно… А когда тело отдадут? Будет вскрытие? Ясно, ясно. Я понимаю… Проходите, присаживайтесь. Витя, подай девушке стул, – она прикрыла трубку рукой. – Да, да, я слушаю вас…

Важная дама Кате понравилась. Ее пышная прическа и властный тон, ее искусно подкрашенные губы, а главное – нитка жемчужных бус, отлично гармонировавших с ее строгим, не по-старушечьи элегантным заграничным платьем, пришлись Кате как нельзя более по вкусу. Таких старушек Катя обожала, они внушали ей уверенность, что лет этак через сорок и она не превратится в шамкающую маразматическую развалину.

Услышав про «ужас и ограбление», она насторожилась, но… ее внимание тут же переключилось на обстановку кабинета. Ну чего тут только не было! Шкафы, где в образцовом порядке хранились древние-древние кости: челюсти с устрашающе выступающими клыками, черепа с пустыми провалами глазниц. Имелись тут и грубо отесанные камни, и наконечники копий из пожелтевшей кости.

По стенам кабинета висели портреты бородатых старичков профессорского вида – наверняка знаменитых ученых, схемы и диаграммы, рисующие эволюцию человека от бесхвостого макакоподобного уродца до красавца, статью своей напоминавшего бога Аполлона.

Возле окна, занавешенного тяжелой зеленой портьерой, стоял письменный стол, украшенный лампой сталинских времен. А в углах скромненько застыли посланцы жарких стран – фикус и войлочная пальма в деревянных кадках.

От всей обстановки веяло такой милой старомодностью, что у Кати потеплело на сердце. От Мещерского она уже знала, что хозяйка кабинета Нинель Григорьевна Балашова – весьма важная шишка в Музее и Институте изучения человека, заведениях, в которых Кате еще никогда не приходилось бывать. Обстановка, однако, рассказала ей кое-что о характере и привычках хозяйки.

Вот, например, пепельница из куска мрамора – горка пепла, недокуренная сигарета в мундштуке. А на столе, на аккуратно сложенных папках – латинская книга. И здесь же в золоченой рамочке поставлена боком – чтобы и хозяйка и гости видели – фотография какого-то мужчины: длинное вдохновенное лицо, лоб с залысинами, орлиный нос и скрипка у подбородка.

– Располагайтесь. Вас, Сереженька, я знаю, а ваши спутники…

Мещерский представил Катю и Кравченко.

– А у нас такое несчастье. – Балашова покачала пышной прической. – Умерла наша сотрудница. Старейший наш работник. И как умерла! Представляете, стала жертвой какого-то налетчика с большой дороги. До чего же мы докатились! Нет, раньше этого просто не могло бы случиться!

– Разве раньше, при старой власти, люди не умирали, тетя? – насмешливо спросил Павлов.

– Ах, оставь. Ты прекрасно знаешь, о чем я. Это нельзя даже сравнивать! Видано ли, чтобы раньше надо было трепетать за жизнь здорового сильного молодого человека, когда он возвращается вечером домой? Вы представляете, – Балашова обратилась к Кате, – когда Виктор навещает меня и едет домой, я не могу уснуть до тех пор, пока он не позвонит: мол, добрался благополучно. А раньше! В дни моей юности, совпавшей с первыми послевоенными годами, мы абсолютно никого и ничего не боялись: гуляли по Москве самой поздней ночью, ездили в Сокольники, ходили в театры. Ах, какой тогда был МХАТ!

– Нинель Григорьевна, мы могли бы обсудить наши дела, – Мещерский быстро вклинился в паузу ее воспоминаний. – А товарищам моим позвольте осмотреть ваши сокровища. Если можно, конечно.

– Конечно. Возможно, это будет интересно, а возможно, и не очень. – Балашова взглянула на Кравченко, лицо коего выражало самую кислую и самую вежливую скуку. – У нас сейчас здесь все по-походному. Часть сотрудников в командировках – обнаружены интереснейшие находки на Южном Урале. А часть… ну, это не самые стойкие товарищи, вообще покинули наши стены. Последние три года были черными для нашего института. Трудно, знаете ли, без денег… Словом, осталось нас тут как пять братцев на ладони. Вот и приходится… А тут еще трения с Зоологическим музеем. Экспонаты срочно надо передавать. Сейчас вот Шура Ольгин подойдет, он вам все покажет. А пока гидом вам Витя послужит.

Ольгина, однако, они так и не дождались. «Стегозавр им закусил», – подумала Катя – они вместе с мальчиком гуляли по залам. Кравченко же и Павлов беседовали о своих *чисто мужских* делах.

В музее царили тишина, порядок и строгость. Кате все это очень даже нравилось. Только уж слишком много было кругом костей! У какого-то зубастого скелета с громадными клыками, выступающими точно кривые кинжалы из желтого черепа, она и Чен Э задержались надолго.

Саблезубый тигр-махайрод. Жуткий товарищ. Слава Богу, что вымер. Катя смотрела на мальчика. Китайчонок. Чен Э – вот так имечко! Значит, это его Павлов хотел усыновить.

Ей не терпелось узнать, как сокурсника ее друзей и этого маленького императора Поднебесной свела судьба, был ли Чен Э иностранец, можно ли вылечить его немоту, но… Павловым целиком завладел Вадька. Они оживленно беседовали. То и дело слышалось: *дела, налик, платежка, демократы, аферисты.*

Чен Э дернул ее за руку и переступил ножками, взгляд его был вопросительным.

– Устал? Сейчас стульчик найдем, посидим.

Но Чен Э к стульчику идти не желал.

– Он что-то хочет, я только не пойму, – Катя подвела его к Павлову.

– Э, брат, погоди минутку, – сказал тот. – Уже идем. Летим!

– А что он хочет? – полюбопытствовала Катя.

– По делам хитрым и важным.

– Ой, – она засмеялась. – Тогда давайте мы сами разберемся. Где тут хитрый дом?

– Женский как раз в конце коридора, а в мужской бежать надо вниз.

– Не надо никуда бежать. Чен Э – ручку!

Павлов улыбнулся ей вслед.

– Что, хороша? – спросил его Кравченко, когда Катя их покинула. – Журналистка. Криминальный обозреватель. Талантливая.

– Твоя?

– *Моя.* — Это прозвучало так, что больше на этот счет Павлов вопросов не задавал.

На обратном пути Катя заглянула в кабинет Балашовой.

Она и Мещерский обсуждали свои дела.

– Поездка в Олдовайское ущелье для нас крайне важна, – вещала старуха профессорша, смоля сигарету. Мундштук она держала элегантно, но старомодно. – А если ваша экспедиция снимет фильм обо всем, ему не будет цены. Мы на следующий год будем готовить специальную экспозицию, посвященную Луису Лики. И фотоснимки нам просто необходимы. А уж фильм! На вас, Сереженька, вся надежда. Но поверьте мне, старой, Олдовай стоит того, чтобы там побывать!

– Какое название, точно колокольчик. Это от английского «old way» – «древний путь»? – поинтересовалась Катя.

– Интересная аллегория, – Балашова улыбнулась и выпустила дым из ноздрей. – Вот уговариваю вашего друга посетить во время экспедиции Олдовайское ущелье в Танзании. Тридцать лет назад там было сделано одно из величайших открытий двадцатого века. Сотрудник музея в Найроби Луис Лики нашел там ископаемые останки двух удивительных созданий, перевернувшие все представления о нашем возрасте.

– Возрасте? – Катя села на старый кожаный диван. Чен Э пополз на ее колени.

– Возрасте человека и человечестве в целом. Мы узнали, что, оказывается, мы гораздо старше, чем думали прежде.

– А кого там нашли, Нинель Григорьевна?

– Лики нашел там ископаемый череп обезьяноподобного существа, названного им австралопитеком. И там же впоследствии обнаружил остатки черепа, кости и стопы существа гораздо более прогрессивного, названного им Homo Habilis – Человек умелый. Они, как ни удивительно, жили рядом друг с другом. С тех пор в ущелье ведутся постоянные работы. Поэтому наш институт, благо оказия подоспела, – Балашова улыбнулась Мещерскому, – жаждет получить оттуда самые свежие новости.

– Нам придется несколько изменить маршрут, но… ну что ж… – Мещерский подергал себя за черные щегольские усики. – В общем, это все не так уж и сложно. Все дело в деньгах. С финансами у нас напряженка. На путешествия гроша не выклянчишь.

Балашова потушила сигарету в мраморной пепельнице.

– И все же, голубчик, попытайтесь. На вас последняя надежда. Думаю, ваше путешествие в Африку незамеченным не пройдет. Конечно, прежде вам здесь, в нашем музее, придется покопаться, чтобы уяснить, что нам будет нужно в первую очередь. Я вам с радостью во всем помогу.

– Договорились, Нинель Григорьевна.

– И вы тоже заходите в любое время, – Балашова кивнула Кате. – Всегда будем вам рады.

– Спасибо. Приду. Но я хотела спросить: почему ваш музей закрыт для посетителей?

– Ну, наша экспозиция представляет интерес только для научной работы. Нынешняя молодежь, думаю, больше увлекается показом мод и телевизором, чем древними костями.

Это и правильно, в общем: оставим тлен и прах седым старикам, «юность любит радость». – Балашова поднялась из-за стола.

Мещерский и Катя тоже встали: аудиенция окончена. Катя заметила, что ее последний вопрос слегка задел старушку – она как-то слишком быстро увильнула от прямого ответа.

«Впрочем, наверное, мне просто показалось, – подумала Катя. – Какие такие тайны могут скрываться в Музее антропологии?»

На Москву опускался благодатный июльский вечер: жара спала. Вся честная компания стояла у дверей музея.

– Ну, Вить, а теперь надо сполоснуть встречу, – распорядился Кравченко. На удивление тихий и скромный в музее, он *на воле* распускал свой павлиний хвост. – Тут ресторанчик есть как раз в твоем дальневосточном стиле. Вспомним-ка былые дни, махнем, друзья, туда, где много музыки и женщин!

– Нет, я пас с рестораном, – Павлов взял мальчика за руки. – Устал? Нам домой пора.

Катя почувствовала, что отказывается он именно *от ресторана*. В душе она обругала Вадьку: можно ли быть таким болваном? Зовет приятеля туда, куда нормальным людям (не телохранителям у «золотых мешков») ходить давно уж не по средствам. Вадька, положим, нечасто тоже себя балует, но сегодня, однако, не радушие, а хвастовство его взыграло: мол, подивись на меня, однокурсничек, какой я богатый и шикарный. А когда В. А. Кравченко хвастается – он денег не жалеет.

– У меня, Вадя, зарплаты не хватит в такие рестораны ходить, – сказала она с усмешкой. – Да и что в такой вечер под крышу забиваться? Пойдемте лучше на Москву-реку, на теплоходе покатаемся. Там и бар есть, и сосиски горячие.

Столь демократичное предложение пришлось по вкусу всем.

У кинотеатра «Зарядье» они подкараулили на пристани теплоход и отправились по реке до Филей и обратно. На теплоходе ехала одна молодежь: и влюбленные парочки, и студенты с гитарой и подружками. Они пели так весело, что в конце концов раззадорили и Катиных спутников. Сначала было взял гитару Мещерский, но тут же передал ее Павлову:

– Вить, тряхни стариной. Покажи нынешним студиозусам, как пели в свое время седые ветераны.

Павлов ломаться не стал. Он пел такие шедевры, как: «Лежат в тазу четыре зуба», «Проснулся я негром», а также знаменитые песенки Юлия Кима. У него был отличный голос и недюжинный актерский дар, Катя смеялась до слез.

Обессилев от смеха и песен, они пили пиво и кока-колу на верхней палубе, ели горячие сосиски и смотрели, как мимо них проплывают гранитные набережные. Над парком культуры взметнулся фейерверк: серебряные стрелы падали в черную воду. В парке гуляла ночная дискотека. Освещенное огнями колесо обозрения казалось огромным фантастическим солнцем – оранжево-лимонным в синей ночи.

– Вон мой дом, – Катя указала Павлову на Фрунзенскую набережную.

– Хорошие места здесь: река, парк напротив. Я вот на Автозаводской живу. Один мазут у нас, – он кивнул на Чен Э, оседлавшего его плечи. – Лето в самом разгаре, вот отпуск взял – хотел дачу на месяц снять, чтобы пожить нам где-нибудь в тишине. Так загвоздка: что-то все вариант подходящий не попадается. То больно далеко, то дорого.

– Вам нужна дача? Я узнаю, у меня друзья в Каменске. Там иногда дачи сдают на Канале имени Москвы.

– Вот это было бы здорово! – Павлов улыбнулся. – Можно вам позвонить?

– Я в понедельник узнаю. Звоните вечером, или давайте-ка я лучше сама вам дам знать.

Он написал ей телефон в ее блокноте.

А теплоход все плыл и плыл… Этот вечер на реке Катя вспоминала долго. Особенно фейерверк над парком. Это был ее последний спокойный вечер в том жарком июле. Она даже не подозревала, с ЧЕМ столкнется в последующие дни.

Глава 6 КАМЕНСКИЕ СЮРПРИЗЫ

В понедельник, дождавшись окончания оперативки, Катя двинулась в розыск на разведку. Колосова она застала на пороге кабинета – он куда-то торопился.

Это вечно занятое, хмурое и хриплое существо – начальник отдела убийств – напоминало Кате шаблонный тип полицейского из французских боевиков: этакий бурбон, который на поверку может оказаться не таким уж бурбоном. Только вот если курить будет поменьше. И пить тоже… И если попадет в хорошие женские руки.

Глаза у него красивые. И молодой он еще. Но во взгляде – жесткость. И в упрямой складке рта – жесткость. А на правой руке – бинт: бандитская пуля. Весьма живописно, да… этакое воплощение грубоватой мужественности и отваги. (Еще бы к этому капельку ума!)

– Привет, привет, Катерина Сергеевна, – Колосов, стоя в дверях кабинета, явно не собирался пускать ее внутрь. – Ко мне?

– К тебе.

– А я, к великому моему огорчению, уезжаю.

– В Каменск? – Она не терпела, когда ее вот так сразу отшивали.

Колосов только прищурился.

– Ты обещал, дал честное слово, что когда-нибудь поможешь мне с репортажем о конкретной работе по конкретному делу, – Катя тихонько двинулась вперед: грудью взять неприятельский редут!

– Ну, обещал. И что?

– По-моему, сейчас самый подходящий случай воспеть деяния и подвиги доблестного областного уголовного розыска.

– Да? – Он удивленно приподнял брови. – Неужели?

– Я в Каменске работала, я многих знаю, я… И потом, убийство ребенка – это…

– Донесли уже. Успели. От кого только информация утекает? Дознаюсь – язык оторву.

– Убийство ребенка, – сказала Катя твердо, – это такой случай, когда ты должен быть благодарен любой помощи, если ее тебе предлагают. Тут все может пригодиться. Даже я и…

Никита смотрел на нее, словно взвешивая что-то, потом захлопнул дверь кабинета. Повернул в замке ключ.

– Пошли, – сказал он просто. – Машина в переулке.

По дороге в Каменск они говорили мало. Колосов скупо рассказал о том, что видел на месте происшествия на свалке, и добавил:

– Там Сашка Сергеев сейчас землю роет, его учить не надо.

– Я знаю. – Катя наблюдала за своим спутником. Он легко и уверенно вел машину. «Жигули» почти все время летели по полосе обгона, обходя встречный транспорт.

Никита – это и слепому ясно – о чем-то напряженно думает. О чем, интересно?

– Я тебя высажу у отдела. Мне в прокуратуру. – Колосов свернул с Нового шоссе под эстакаду, вырулив на главную улицу Каменска.

– А потом приедешь?

Он покачал головой.

– Оттуда я в Новоспасское.

– А там что? – спросила Катя.

– Убийство одной старушки.

– А-а, – это прозвучало довольно равнодушно.

– Что, не интересуют прессу старушки убиенные? – спросил Колосов. – Сенсаций все ищете. Кстати, насчет сенсаций… Я вот давно хочу тебя спросить, – он чуть наклонился к

ней. – А что ты модные темы игнорируешь? Оргпреступность, коррупцию там… Я, откровенно говоря, ждал тебя еще на прошлой неделе.

– Это когда мэра в Октябрьске застрелили? – спросила Катя. – Но ведь и я могу спросить тебя, Никита, отчего ты, начальник такого отдела, едешь сейчас не в Октябрьск, а в какой-то Каменск, где убили мальчика, в Новоспасское, где погибла никому не известная старушка? Почему, а?

– У нас по Октябрьску целая группа работает. Первый зам *самого* курирует. Там без меня мозгов хватит.

– Это не вся правда.

Он посмотрел на нее в зеркальце, глаза его чуть потеплели – мелькнула знакомая зеленая искорка. Мелькнула и пропала. А Кате вспомнился Кравченко и его вопрос о «золоте партии». Как все-таки мужчины похожи! Единый стереотип мышления.

– Об униженных и оскорбленных, значит, печемся… – Он кашлянул. – Я тут твою книжку видел в продаже.

– Купил?

– Ага.

– Прочел?

– Нет. Некогда. До отпуска оставил, когда время будет. Обложка красивая. Поздравляю.

Катя только вздохнула.

В Каменске, впрочем, Колосов направился сначала не к прокурору, а в розыск, к Сергееву. Катя не стала мешать великим детективам и двинулась в кабинет своей закадычной подруги старшего следователя Иры Гречко.

Та допрашивала рыжую толстуху бальзаковского возраста и потасканного вида.

– Катька, привет, садись. Наконец-то! Я сейчас закончу. – Глаза Иры так и светились радостью, но она снова вернулась к строгому тону: – На очной ставке советую не подносить мне сюрпризов, Марья Ивановна. Повестку выписываю на завтра. Не опаздывайте.

– Да я приду, что вы! – заахала толстуха. – И сюрпризы, ну каки таки сюрпризы? Я ж все, что знаю, что видела, тож и говорю.

– Вот такие пироги, радость моя. – Ира крутанулась на стуле, когда тетка ушла. Ее золотистые волосы мягкой волной упали на плечи. – Рада тебя видеть безумно. Соскучилась. Очень, поняла?

– Я тоже, еще на той неделе к тебе хотела, но… А ты, смотрю, как инквизитор тут. А где испанский сапог?

– А, в ремонте! – Ира махнула рукой. Пальчики у нее были тонкие, тщательно наманикюренные, ноготки окрашены бледно-розовым лаком. – Осиное гнездо это. Мамаша – бандерша, мадам Гриссон. У меня дело по краже со складов «Новатора». Тринадцать эпизодов. И все ее семейка постаралась: сыновья, брательники, свояки, даже крестный руку приложил. Всех под суд потянем. А ее свидетельницей оставляю, поэтому и не сажаю, она за свободу всех продаст. А ты чем у нас заинтересовалась?

Катя рассказала. Ира спрятала протокол допроса в картонную корочку.

– Я сегодня только узнала на оперативке. Дело-то не наше, прокурорское. А мальчик до сих пор не опознан. А я, Кать, зарылась. Вот так, по самые ушки. У нас трое следователей в отпусках, так в этом месяце у меня четыре суточных дежурства. И срок по трем делам республиканский. Если не скончаюсь – это будет очень даже странно.

Катя знала Иру добрых семь лет. В этой яркой, энергичной спортивного вида блондинке было все, чего как раз не хватало ей самой. Хлеб насущный доставался капитану Гречко очень тяжело. Но этот золотоволосый капитан не унывал, не падал духом и даже находил в себе силы подбадривать других.

Ира все дела вела на «пять». Ее дела практически не возвращались из суда на доследование. И форму милицейскую, которую женщины – сотрудницы ОВД частенько игнорировали, она носила не только профессионально, но и с каким-то особым офицерским шиком. И стреляла она преотлично.

Кате вспомнилось, как шесть лет назад Ира, тогда еще тоненький и тихий лейтенантик, повергла в столбняк инспектора по огневой подготовке на стрельбах в Мытищах. При проверке результатов оказалось, что Ирина мишень трижды поражена «в девятку». Ире дали еще патронов, и она спокойненько снова засадила все в «яблочко». Дали еще – снова тот же результат.

С тех пор ее постоянно дергали на разные соревнования. И даже знаменитый Сверчков – «соколиный глаз» московского РУОПа не смог обойти ее больше чем на пол-очка.

– Вздохни немножко, – сказала Катя. – Обед у тебя не занят?

– Нет, раз ты приехала, – Ира взглянула на часики. – У меня в три опознание по грабежу на улице Победы. Там понятых еще надо отловить.

– Слушай, насчет Победы, – Катя вспомнила свое обещание Павлову. – Там сейчас дачи не сдают, не знаешь?

– Оттуда уже почти всех выселили.

– Жалко. Меня тут один человек насчет дачи попросил узнать.

– А зачем на Победу? – Ира придвинула к себе телефон. – Мы сейчас позвоним Караваеву Леше. Он же Братеевку обслуживает! Это ж одно из лучших дачных мест Подмосковья. И канал близко, и яхт-клуб, и до станции рукой подать. Ты что, про Караваева забыла, глупенькая?

– И правда. Только что мне помнить? – Катя хитро улыбнулась. – Это твоя палочка-выручалочка.

Леша Караваев, оперуполномоченный Каменского ОВД, давно и безнадежно был влюблен в Иру Гречко. Об этом в отделе знали все и тихонько хихикали по углам. Караваев сам об этом рассказывал во время *посиделок*, когда розыск шумно отмечал на природе удачно проведенную операцию или задержание ОО – особо опасного.

Роняя на дюжие плечи товарищей скупые мужские слезы, он клялся в любви к «жестокой» и все собирался, точно Грушницкий, ехать на Кавказ – в Чечню, под пули сепаратистов, чтобы «не видеть той, что разворотила его сердце, точно афганская пуля» (Караваев был поэт и любил цветистые выражения).

Кокетливый разговор с влюбленным опером закончился удачно. Караваев сказал, что вроде есть дача на примете и вроде недорогая, но дотошно допытывался, о ком так хлопочет Ира.

Пришлось вмешаться Кате, и он сразу успокоился.

– Я разузнаю все. Ты до каких у нас будешь? До самого вечера? С Ирой будете работать? Ну, так я к вам часиков в шесть загляну. Заодно и расскажу все.

– Обрадовался наш герой, – засмеялась Катя. – А он вообще-то ничего, забавный.

Гречко только улыбнулась и достала пудреницу. Тут в кабинет вошел молодой парень – его Катя не знала, новенький, наверно.

– Ир, я пленку проявил по выходам на место. Ты просила сразу показать.

Катя поняла, что это криминалист, и поднялась.

– Я к Сергееву. А потом приду в ЭКО.

Дверь в кабинете начальника Каменского розыска была распахнута настежь, дабы выгнать в коридор клубы сизого сигаретного дыма. А Колосова уже и след простыл.

– Уехал пинкертон, – ворчал Сергеев, вытряхивая пепельницу в окно. – Убыл, так сказать. Нечем нам порадовать начальство.

– Значит, личность мальчика так и не установлена? – Катя достала блокнот и ручку.

– По без вести пропавшим программу прогнали, нашу и областную, – без толку.

– А отдел по несовершеннолетним что говорит?

– Что! – Сергеев хлопнул ладонью по столу. – Во где у меня спецы наши молодые! Всю эту зелень саму еще за ручку надо водить. Ничегошеньки не знают эти девочки-педагогички. А Строева – ну, помнишь ее, при тебе она инспектором была, сейчас начальник отдела, как назло, в отпуске! Была б здесь, в городе, – тут же бы пришла, глядишь, и нашелся бы конец веревочки. А она к родственникам в Сибирь укатила. Туго мне без «стариков», Кать. Ох как туго! Без всех наших, кто лет семь-десять в этой каше поварился.

– Так учить молодых надо, Саш, – заметила Катя. – И мы с нуля начинали.

– Учить! Некогда мне учить, дорогуша. У меня каждый день – ЧП. Сверху только и слышно: давай, давай. Где раскрываемость, где результаты? А с кем мне эти результаты давать? С моим детским садом?

Катя хотела что-то возразить и посоветовать показать портрет мальчика по кабельному телевидению, как вдруг дверь кабинета открылась. Быстро вошла Ира. В руках она держала пачку фотографий.

– Саш, у тебя машина свободная есть? – спросила она тихо.

Сергеев недовольно засопел.

– Тебе ж понятых Селезнев доставит. Уйма времени еще, чего горячку пороть?

– Я не о понятых. Мне надо съездить в морг.

– Зачем?

Ира положила на его стол снимки. Катя вытянула шею, стараясь разглядеть, что на них изображено.

– Кажется, я его знаю… этого мальчика со свалки… видела уже. – Ира тяжело оперлась о спинку стула.

Катю поразило, как изменилось ее лицо: всего десять минут назад, когда они болтали о дачах и Караваеве, оно лучилось лукавством и радостью, теперь же выглядело серым, точно пеплом подернутым, усталым, подурневшим.

Сергеев взял со стола ключи от машины и быстро повел их во двор, где стояли розыскные синие «Жигули».

– Я в ЭКО снимки с места происшествия увидела. Впервые. И кажется мне… Но погодите, дайте сначала убедиться. – Ира не хотела гадать.

Сергеев и Катя понимали ее и праздных вопросов не задавали.

Каменский морг занимал одноэтажный флигель на задворках городской больницы. Домик был заново оштукатурен и окрашен в ядовито-желтый цвет. Под окнами его цвели буйные кусты жасмина. На каменных, заросших мхом ступеньках грелась на солнцепеке пестрая кошка.

Катя на секунду задержалась в дверях. Это тихое место, эти солнечные блики на стеклах, эти усеянные звездочками цветов склоненные до земли ветви, эта тишина… Кладбищенская тишина. Аромат жасмина смешивался с запахом формалина, ползшим из открытой двери. И еще с каким-то запахом: липким, сладковато-тягучим, тошнотным…

Катя опустила взор, прошмыгнула внутрь. Стены, стены. Вытертый коврик-половичок привел ее к белым дверям. Она робко открыла их. Сергеев и Гречко стояли посреди зала, главное место в котором занимали столы, покрытые чем-то оцинкованным и блестящим. Много было столов. И желобки на них имелись для стока… Этот вот стол пустой, тот тоже, а там дальше *что-то белое, белое и красное*. Катя быстро отвернулась. Увидела бледное лицо Иры, а за ней тоже белое пятно – халат патологоанатома Бодрова – Карпыча.

– Идемте, он не здесь, – послышался его старческий голос.

От запаха было трудно дышать. Он, казалось, лип, точно клейстер к одежде, коже. Ира вместе с Сергеевым вошла следом за Бодровым в один из кабинетов. А Катя ждала их у дверей. Они отсутствовали минут пять. Затем вышли.

В машине Ира пошарила в сумочке, вытащила сигарету и зажигалку. Закурила.

– Это Стасик с Речной улицы, – сказала она хрипло. – Стасик Кораблин. Его старший брат проходил у меня по краже машин. Полгода как осужден. Три получил. Они жили в том доме, где булочная, за заводом.

Глава 7 ЦАРСТВО ЗМЕЙ

А тем временем Колосов ехал в Новоспасское и, если честно, сам не знал, что же он там будет делать. После разговора с Сергеевым и каменским прокурором Бородиным настроение его резко упало: по убийству мальчика до сих пор никаких результатов. Полный ноль… За трое суток даже личность не установлена.

Если прическа Заводского района, с которой Сашка так носится, ничего не даст, розыск по этому делу, вернее, его рахитичные зачатки вообще упрутся в глухую стену. С бродяжками, а по всему, именно им будет этот мальчик, дела всегда обстоят из рук вон плохо.

К мнению Сергеева, Соловьева и многих сотрудников отдела убийств о том, что в области появилось сразу два новоявленных *серийника*, Колосов отнесся внимательно, но осторожно. Хотя насчет случая в Новоспасском у него практически не было в этом сомнений. Новоспасское являлось только звеном в целой цепи странных и кровавых происшествий, начавшихся три месяца тому назад – в апреле 1996 года.

А вот убийство мальчика… Колосову вспомнилось предостережение начальника Каменского розыска насчет запуска операции, аналогичной знаменитому «Удаву»: «Надо. Иначе *дождемся. Всего дождемся*«. Что ж, наверняка так оно и будет…

Сергеев, что греха таить, не сумел с самого начала взять быка за рога, хотя сложа руки не сидел. За эти трое суток, прошедших с момента обнаружения на свалке участковым Загурским трупа ребенка, в Каменске сотрудники милиции почти не спали. Как обычно в таких случаях, розыск работал с населением, с агентурой. Это было обычной рутинной работой: сей сквозь мелкое сито версий, предположений, сомнений и догадок то – сам не знаешь что. И все это было *туфтой*. Полной. Колосов уже сейчас чувствовал это.

В Новоспасском же дела обстояли несколько иначе. Зацепиться и здесь, впрочем, было особо не за что. Однако кое-что Никиту все же озадачило. Да так, что всю ночь с пятницы на субботу он беспокойно провертелся с боку на бок.

Во-первых, ему не давали покоя данные осмотра в морге трупа Калязиной. В морг они вместе с Соловьевым махнули сразу после посещения зообазы.

Патологоанатом еще не приступал к полному исследованию, но кое-что пояснить начальнику отдела убийств все же согласился.

Странное чувство охватило Никиту, когда он стоял в том маленьком сельском до ужаса *таком доморощенном* морге над оцинкованным столом, где покоилось тело Калязиной. Он и не представлял себе, какая она, оказывается… старуха. На фотографии, сделанной наверняка лет эдак пять назад, лицо ее ему даже понравилось: баба Сима – ничего еще старушка – крепкая, бойкая. А тут…

Тут *лица не было*. Вместо него кровавая, изгвазданная в грязи смесь костных осколков, лохмотьев кожи, сизо-серых волос и желто-бурой слизи мозгового вещества. Патологоанатом, тыча зеленым обрезиненным пальцем в эту адскую кашу, деловито перечислял:

– Раздробление лобного, височного, затылочного отделов, перелом свода основания черепа. *Частичное удаление мозгового вещества*.

Последняя фраза поразила Никиту точно удар током.

– Из нее извлекли мозг?!

– Только небольшую его часть, – ответил патологоанатом, указав на сахарный осколок кости, – вот отсюда. И отсюда.

– Вы в этом уверены?

– Я не привык ошибаться. При дальнейшем исследовании можно будет сказать точнее, где и откуда еще произведены изъятия.

– А куда же… куда же мозг дели? – Колосов чувствовал, что роняет себя перед этим врачом – таким непоколебимо-спокойным над этим дурно пахнущим, голым, жалким, окровавленным старческим телом.

Но врач не унизил начальника отдела убийств снисхождением. Он был слишком хорошо воспитан.

– Надеюсь, скоро вы сами ответите на свой вопрос, Никита Михайлович, – молвил он. – А я могу сказать только то, что уже сказал.

Колосов лихорадочно думал: так, здесь у нас что-то новенькое. Сюрприз. Раньше, в тех, предыдущих, случаях «извлечения мозгового вещества» из черепов жертв не фиксировалось. Такого еще не было. Или, может, просто *этого* не замечали? Патологоанатомы прошляпили? И он вместе с ними?

Они с патологоанатомом осматривали тело Калязиной, точно редкий музейный экспонат. Тело старой женщины: морщинистая шелушащаяся кожа, коричневые пятнышки родинок, обвислые груди, вздутый живот весь в багровых прожилках вен, ноги точно древние корни…

– Следов спермы не обнаружено, – сообщил эксперт. – Хотя сказать на все сто процентов, что у нее не было с нападавшим полового контакта, не могу. Возможны ведь варианты.

Колосов вздохнул и склонился над трупом:

– А это что? – На желтоватой мякоти старческого предплечья, точно гигантские оспины, белели неровные борозды.

– Это заживший шрам. – Патологоанатом потрогал кожу, оттянул, что-то измерил пальцами. – Видимо, след *укуса*. Собака тяпнула скорее всего. Размер челюстей довольно большой – похоже, овчарка или водолаз. Но это давняя история. К нашему случаю отношения не имеет.

Второе, не дававшее Колосову покоя, было нечто увиденное и услышанное им на самой зообазе. Насчет *увиденного* – он решил пока повременить, записал только в блокноте: «Позвонить в ЭКО насчет изъятого следа» и жирно подчеркнул.

А вот услышанное, вернее недоуслышанное, сейчас занимало его больше. В прошлое посещение зообазы из всех ее обитателей, если не брать в расчет шимпанзе, особое внимание Колосова привлекла к себе Зоя Иванова – ветеринар. Они разговаривали тогда недолго – минут пять всего. Иванова все время плакала, монотонно повторяя: «Баба Сима, бедная, бедная». Лаборант Женя принес ей тогда воды в термосе, и ее зубы стучали о край алюминиевой крышки-стакана. На первый взгляд все это походило на обычную женскую истерику – реакцию на происшедшую трагедию. Однако на второй взгляд…

Помимо слез и искреннего горя – Колосов чувствовал, что это у нее настоящее, от сердца – было в поведении Ивановой и нечто не совсем обычное: некая заторможенность, внутренняя напряженность. В затуманенных слезами глазах ее стояло тупое недоумение, словно в перерывах между всхлипываниями женщина твердила себе: «Да как же это могло произойти?» А вот к чему относился этот вопрос – к восприятию смерти вообще или к чему-то другому, Никите очень хотелось дознаться.

И в этом ему как раз бы могла помочь Катя. Ка-тя… Коротенькое какое имя. Странно, что она так равнодушно относится к этому делу. Хотя что странного? Она просто многого еще не знает. Он же сам ничего ей пока не рассказывал. Хотя с Ивановой она вполне могла бы его подстраховать. У нее ведь, как у журналиста, великолепно развито *чувство собеседника*. Катя Петровская умеет понимать с полуслова все недосказанное. Даже то, что от нее пытаешься скрыть. Сам не раз в этом убеждался – Колосов усмехнулся. Катя дотошная и впечатлительная. И адски любопытная – это качество тоже иногда очень даже помогает.

Она умеет задавать вопросы. И что самое главное – что он с таким упорством вдалбливает в головы своих молодых подчиненных, – она умеет задать нужный вопрос в нужное

время и в нужном месте, мастерски приправляя его лестью, вежливой заинтересованностью и очаровательной наивностью, обезоруживающей собеседника. Вот и Ивановой могла бы задать… Эх! Колосов вздохнул.

Катя – классная девушка. Надо только вот о ней поменьше думать. Не про тебя, брат Никита, этот кусочек клубничного торта.

И все же, если Кати нет, обойдемся и без нее. Пусть сидит в Каменске, если хочет. Может, на пару с Сергеевым что и раскопают интересное. А тут прямо по курсу другая молодая особа – Зоя. Только б застать ее на этой базе!

Он остановил машину у зеленых ворот. Вышел, прислушался. Кругом стояла тишина – только шелест листвы, только цикады в траве, какая-то птаха в кроне рябины надсаживается: пи-ип, пи-ип. Тоненько так, пискливо. Колосов помедлил. Нет, прежде чем снова травить баланду с ветеринаром в короткой юбке, надо кое-что сделать.

Он развернулся и пошел по бетонке прочь от ворот. Ему хотелось еще раз пройти тем путем к станции. Шел медленно, стараясь представить себе, как все это получилось у Калязиной: шаг за шагом – солнцепек, одышка, step by step – и снова солнцепек.

Бетонка белой лентой ложилась под ноги. Сосны застыли по обеим ее сторонам, точно дозорные. В кювете, заросшем колючим шиповником, гудели пчелы. Колосов посмотрел на часы – сейчас одиннадцать и ни души на дороге. И в девять здесь так же. Тихое место, очень тихое.

Он брел, глазея по сторонам, стараясь не пропустить ту тропку в ельник, на которую тогда свернула Калязина. Странный тип, тот, кто ее ждал там. Кстати, а сколько времени он ее подкарауливал? Час, полтора? Приехал восьмичасовыми электричками – других-то все равно нет. И затаился в кустах.

Но почему он был так уверен, что ему попадется именно старуха? Тогда, прежде, выбирались ведь тоже старухи, значит, он имел к ним склонность, однако те места, где он на них набрасывался, были относительно «людными», посещаемыми. Всегда было шансов примерно половина из того, что на горизонте в нужный момент появится именно *желанный* объект. А здесь ну та-а-кая глухомань! Ну, почему, например, он не сел в засаду возле дороги на дачный поселок, а? Там же вероятности в тысячу раз больше, что попадется нужная жертва. Так нет, выбрал самую глухую тропу.

Может, он плохо ориентируется на местности? Выбрал первую попавшуюся станцию, когда стало невтерпеж и захотелось… Да, скорее всего. Подобные ЕМУ часто действуют под влиянием момента. Это вот только Ряховский тщательно маршруты по карте областной выверял, за что и был прозван впоследствии сыщиками Миклухо-Маклаем, а остальные… Едут шизоиды в электричке, выходят на понравившейся визуально станции, часто даже не зная ее название, устраивают логово поблизости от платформы и караулят. Тигр, стерегущий свою добычу у водопоя.

Размышления, казалось, облегчили душу. Колосов вздохнул. А вот и тропка в ельничек. Влажная земля скользила под ногами. Он вошел в заросли кустарника.

Где-то совсем близко прогрохотал поезд. Станция. Товарняк пыхтит тяжеленный.

Под сводом зеленой влажной листвы дышалось с трудом. Он сразу же взмок – рубашка прилипла к спине: парниковый эффект. Над бурой глинистой водой наполовину пересохшей лужи вилось облачко мошек. Никита остановился. И тут тоже тишина. Мертвая. Первобытная. Такая бывает только в лесу. Только в жару. Только в июле. Сзади хрустнула ветка. Колосов обернулся. Никого. Где-то в листве застрекотала сорока. Человек или зверь? Враг? «Это она на меня орет, – подумал он, невольно переводя дух. – А трус ты первостатейный, угро. Не охотник, не следопыт».

Он медленно дошел до платформы и повернул назад. Солнце пекло немилосердно. Но, несмотря на зной, над трубой дома Васильича, мужа кассирши Ольги, вился легкий дымок. «Березовые для баньки хороши», – вспомнилось Колосову.

По возвращении ему пришлось долго стучать в запертые ворота, наконец его впустил лаборант Женя.

– Спите вы, что ли? – заворчал Никита. – Начальник ваш на месте?

– Нет, он в Москве. Звонил – в музее работы полно. И Званцев до вечера к нему уехал. Там коллекция палеонтологическая и…

– А ветеринара вашего можно повидать? – перебил его Никита.

– Пожалуйста, Зоя Петровна в первом секторе.

Колосов уверенно направился к обезьяннику.

– Не туда, – лаборант ехидно ухмыльнулся. – В серпентарии она. Там питон в линьке. Трещины какие-то у него на коже. Зоя вместе с Венедиктом Васильичем его в марганцовке купают.

– Венедикт Васильич – это кто такой будет?

– Это завсектором по змеям.

– Ясно.

В серпентарий Колосов шел бодро. Он чувствовал спиной взгляд лаборанта. И… и как только ему эта бодрость давалась!

На территории базы стояла все та же тишь. Он невольно прислушивался: не раздается ли из-за подстриженных кустов уханье здоровяка Хамфри, однако – нет. Дальние предки на этот раз о себе не заявляли.

– Женя, вы не знаете, Серафима Павловна или ее родственники не держали у себя собаку? – спросил он, обернувшись.

– Что? Собаку? – лаборант пожал плечами. – Не знаю. А что?

– Просто хотел уточнить. – Колосов остановился перед металлической дверью того самого строения, похожего на большую теплицу, набрал в грудь побольше воздуха и, более не колеблясь, перешагнул порог: Цезарь, форсирующий Рубикон.

Огляделся. Итак, каковы первые впечатления от царства змей? Жарко и влажно. Сумрачно. И снова тихо. Точно в гробу. Мягкий желтый свет струится с потолка. Никита оказался как бы внутри гигантского аквариума, разгороженного на сектора и разделенного посредине проходом.

Серпентарий, значит. Ну ладно, сейчас мы тебя разъясним. Он шел мимо толстых стекол, за которыми в вольерах, посыпанных желтым речным песком, под электрическими солнцами нежились змеи. Черт побери, сколько тут этих тварей!

К счастью, пытка кончилась: в дальнем конце прохода он заметил людей в белых халатах – Зою Иванову и седенького старичка в очках. Старичок закрывал стеклянную створку одного из вольеров. Никита быстро подошел к ним.

– День добрый. А вы, Зоя Петровна, отважная женщина, оказывается. Мне тут сказали, что с питонами у вас ну прямо никаких проблем!

Зоя Иванова – приземистая коротконогая и широкобедрая блондинка (*кубышечка* – так ее еще в прошлый раз оценил Соловьев, считавший себя знатоком женской красоты) с густыми длинными волосами, перетянутыми на затылке резинкой, матово-нежной кожей и спокойными серыми, слегка навыкате глазами – улыбнулась ему:

– Здравствуйте. Снова вы к нам?

– Вот привела путь-дорожка. Так как поживает питон?

– Сетчатый питон, молодой человек, – старичок строго кашлянул и поправил очки. – Учтите – сетчатый! Редчайший экземпляр. Красавец. Вы только взгляните.

Колосов взглянул. В вольере в небольшом углублении – этаком корытце, вделанном в пол, свернулась кольцами толстенная полосатая змеища, смахивающая на автомобильную покрышку.

– Да-а, ну и работка у вас, – Колосов поежился. – Укольчик такому *Великому Каа* впороть не слабо. Не каждый мужик отважится. А мы могли бы переговорить с вами в менее экзотическом месте, чем клетка с удавом?

– Идемте в ветпункт, – предложила Зоя.

Они шли мимо вольеров.

– Я слышал, у вас тут не только питоны, но и ядовитые товарищи имеются, – Никита смотрел сквозь стекло на потрясающе красивую змею – алую с черными кольцами и сапфировой приплюснутой головкой.

– Да. Вон, кстати, та, которой вы сейчас любуетесь. Коралловый аспид.

– Аспид? Да-а…

– А вот гремучник – или змея Клеопатры, – Зоя указала на другой вольер. – От ее укуса смерть наступает через две с половиной минуты. Ну, если сыворотку не ввести. А вон очковая кобра.

– Наг и Нагайна. – Никита постучал по стеклу, за которым на высохшем суку раскачивались две золотистые змеи. – А вон та, что за чудо-юдо? Точно носорог?

– Это рогатая гадюка, – Зоя небрежно кивнула на вольер с бурой змеей, украшенной рогом-наростом. – Тоже весьма ядовита.

– Вы и таких лечите? – полюбопытствовал Никита.

– И таких тоже.

– А как? Усыпляете? Под наркозом?

Она только улыбнулась.

– А в ловле беглецов участия не принимали? – не унимался он.

– Каких беглецов?

– Ну, они ведь тут расползлись как-то раз. Было такое дело?

– Ах это, – она остановилась. – Нет, тогда Венедикт Васильевич сам с ними справился. Из помещения только полозы ушли да сетчатый питон. Их у забора поймали. Ольгин, кажется, собственноручно.

– А почему это произошло? Террорист, что ли, к вам пробрался – змей поотпускал?

– Нет, это не террорист. Это проделки Чарли.

– Чарли?

– Шимпанзе Ольгина.

– Так, значит, обезьяны у вас не только в клетках сидят, но и на воле разгуливают?

Иванова, казалось, не слышала его вопроса. Колосова это удивило. И он пока решил не настаивать.

– Вон мой домик, – сказала Иванова. – Кофе хотите?

– Спасибо.

– Спасибо – да?

– Спасибо – нет.

Они поднялись по дощатым ступенькам в уютный и чистенький «вагончик», притаившийся в кустах сирени за серпентарием. Пахло здесь так, как обычно пахнет во врачебном кабинете. И чистота была стерильная: смотровой стол, застеленный накрахмаленной простыней, над ним – круглая лампа-прожектор. Какие-то приборы с дисплеем, раковина за ширмами и стеклянный шкафчик с лекарствами.

Иванова пригласила его в смежную со смотровой комнату – жилую. Тут стояли стол, накрытый клетчатой клеенкой, софа под узорным пледом, плитка на подоконнике. В стену был вделан шкаф с раздвижными дверцами.

– Зря кофе не хотите. – Она вымыла руки и села на софу. Колосову достался стул с продавленным сиденьем. – Вы что, именно ко мне в такую даль из Москвы ехали?

– К вам и к Ольгину.

– А его сейчас проще поймать в Москве. Он в институте и музее по горло занят.

– Слышал уже. И Званцева вот нет, смотрю. А кто же за питомцами ходит? – Никита откинулся на спинку стула, наблюдая из-под полуопущенных век за собеседницей. Пышка она, сдобная, аппетитная. Так что же пышка одна в такой глуши делает? Ноги у нее точно точеные столбики. Молочно-белые, в старых босоножках-шлепках на пробковой подошве. Пятки – круглые, как репки. Вкусные пятки. Чья же ты подружка, Зоенька? Званцева, Жени или этого неуловимого Ольгина? Вечно занятого и отсутствующего? Кто твое одиночество на этой софе скрашивает? – Да, как же с питомцами-то? Ведь и Калязиной теперь нет… – продолжил он.

– Баба Сима последнее время к питомцам близко не подходила. Всю работу Ольгин и Званцев делали, – ответила Иванова.

– Но их же сейчас нет. Кто, например, сегодня бедных голодных мартышек кормить будет?

– Утром Званцев кормил, а вечером, если он припоздает вернуться, – Женя.

– А вы?

– А я нет. Ольгин считает, что женщине там сейчас делать нечего.

– Где? – не понял Колосов.

– Возле клеток с шимпанзе, – она усмехнулась. – Ведь вы про них все меня расспрашиваете.

– А что тут удивительного? Да я живую обезьяну, может, впервые в жизни вблизи увидел! Такие мордашки! Как они у вас тут не померзнут только. Климат-то далеко не африканский. Они и зимой тут обитают?

– Нет, зимой их перевозят в институт. Обезьяны живут здесь только до октября. Здесь есть теплые вольеры. Ничего, обходятся. И преотлично себя чувствуют. Даже простуды редки.

– А привозят их когда?

– Весной.

– Точнее?

– В начале апреля.

– В начале апреля… Ну, Бог с ними, с мартышками, со змеями… Я вот что хотел у вас спросить. В прошлый раз вы так расстроены были – не смог я. Насчет Калязиной мои вопросы будут. В то утро вы ведь с ней о чем-то говорили перед самым ее уходом. Ну, у ворот, не помните?

СТОП. А вот это уже интересно. Он насторожился, хотя в лице его ничего не изменилось. Зато *что-то* изменилось в Ивановой. Она вздрогнула и опустила глаза.

– Мы говорили о ее внучке. А откуда вы знаете?

– Кто-то сказал, не помню уже. А что, девять двадцать – это была ее обычная электричка?

– Да.

– И она всегда по утрам именно на ней и ездила?

– Всегда. Если опоздать, тут перерыв до трех часов.

– А-а, – Никита склонил голову набок. – А что вас так озадачило в прошлый раз, Зоя Петровна? Собственно, это я и собирался у вас узнать сегодня. Для этого и ехал из самой Москвы.

– Озадачило? – Она облокотилась на стол. – Вы считаете, что смерть бабы Симы меня всего лишь *озадачила*?

– Смерть Калязиной вас опечалила. Но было и еще что-то, что вас именно озадачило, но вы попытались это скрыть.

– Вы ошибаетесь.

– Я редко ошибаюсь. А с женщинами я обычно промашек не даю, – начальник отдела убийств самодовольно улыбнулся. – Когда Соловьев в прошлый раз опрашивал вас как свидетельницу, вы что-то недоговаривали. Почему?

– Да потому, что представители вашей профессии порой делают из мухи слона! Из ничего вдруг возникает целый ком домыслов и сплетен. Версии – так это у вас называется.

– Имели случай близко познакомиться с нашей деятельностью?

– Имела, – Иванова нахмурилась, – когда моя мать с моим отчимом-дураком расходилась. Очень даже имела. Вот поэтому и не хочу я впутывать…

– Кого?

Иванова отвернулась.

– Никого. Вы ошибаетесь, – сказала она мягко. – Ваша профессиональная сверхпроницательность и то, что «не дает» промашек с женщинами, на этот раз вас подвели.

Колосов поднялся. Ах ты пышка, так ты еще и коготки показываешь, царапаешься!

– Так, значит, говорите, Калязина и близко к клеткам не подходила. Игнорировала шимпанзе ваших, – сказал он, меняя тему. – Мне вот в прошлый раз Званцев тоже близко запретил подходить. Хотя, – он уже направлялся к дверям, – я б не утерпел, запрет нарушил. Милейшие зверюшки. Я б и погулять их на травку выпустил, а то сидят как в карцере.

– Так и было раньше, – Иванова вздохнула. – Пока не произошел тот инцидент.

– Какой инцидент?

– *Когда Хамфри бросился на бабу Симу.* С ним что-то случилось. Он ведь совсем ручной был. Цирковой. Никогда ничего подобного себе не позволял.

Глава 8 МАМА, МАМОЧКА…

Гречко занялась подготовкой к опознанию, а Катя и Сергеев, не мешкая, двинули к родителям Кораблина на Речную улицу.

– Значит, со мной? Прежние времена решила вспомнить? – спросил Сергеев. – Не забыла, как мы с тобой за Костей Слесаренко гонялись, ну, который нумизмата в Братеевке *обул* на все его антикварные и юбилейные сбережения.

Катя помнила все распрекрасно – было такое дело четыре года назад, когда она еще работала следователем в Каменске.

– Мальчик этот, Стасик, насколько я помню, жил со старшим братом и матерью, – напутствовала их Ира. – Брат – так, беспутный, полнейшая пустельга. А мать – трудяга. На «Новаторе» монтажницей вкалывала. Я вместе со Строевой, помнится, обыск у них в квартире делала, так этот Стасик, ему лет семь тогда было, прямо по пятам за нами ходил. Видите ли, любопытно ему было, как тетя-следователь работает. Потом, когда брат уже у нас в ИВС сидел, тоже наведывался ко мне: передачки приносил – белье, сигареты. Тихий такой, словно мышонок. Брата, по всему видно, любил очень.

– А мать? – спросила Катя.

Ира пожала плечами.

– Я ее только раз и видела, когда допрашивала насчет старшего сына. Она простая, ну, обычная совсем. Все только о работе, о работе.

– Что ж, черт возьми, эта простая ребенка-то своего не хватилась? Ведь его четверо суток дома нет! – выходил из себя Сергеев. – Она закладывала?

– Нет, вроде не похоже было, – отвечала Ира.

На Речной улице, словно гигантские спичечные коробки, среди зелени тополей и лип теснились хрущевки-пятиэтажки, выкрашенные в салатовые и небесно-голубые цвета. Имелся здесь и старый запущенный двор с покосившимся «грибком» и развалившейся песочницей.

У дома с булочной на первом этаже Сергеев остановил машину.

– Квартиру Ира не помнит, ничего, нам сейчас горсправка информацию выдаст. – Он уверенно направился к группе старушек, сидевших на лавочке у подъезда. Вид у них был как у галок на заборе – любопытный и выжидательный.

Кате сразу вспомнился *садистский* стишок о том, как какая-то старушка «недолго мучилась в высоковольтных проводах». Особенно ее умиляла в этом стишке строчка о «поджаренном брюшке».

– Гражданочки, где у вас тут Кораблины проживают? – осведомился Сергеев.

Старушки переглянулись.

– В сорок шестой квартире, – ответила одна в цветастом байковом халате и белом платочке.

– А вы хто ж Любови нашей будете? – поинтересовалась другая – в толстой вязаной кофте. («И как не испечется! В такую-то жару!» – подумала Катя.)

– А мы, бабушки, родственники. Дальние, – ответил Сергеев, направляясь в подъезд.

– Хахаль ейный, – скрипнула старушка, поясняя мысль другим – более глухим и недогадливым товаркам.

– Хахаль? А вторая-то хто ж? Эта, в длинной юбке, на каблучищах?

Катя поняла, что обсуждают ее, и поспешила следом за начальником Каменского розыска.

Сорок шестая квартира располагалась на пятом этаже под самой крышей. Сергеев долго звонил в обшарпанную дверь. Наконец за ней послышалась какая-то возня.

– Кто? – спросил заспанный женский голос.

– Милиция. Откройте, пожалуйста.

Прошло минуты две. Затем дверь приоткрылась. В щель выглядывала всклокоченная женщина, придерживавшая на полной груди расходившийся полосатый халат.

– Вы Любовь Кораблина?

– Ну. А что?

– Где ваш сын?

– Как где? Срок отбывает. Он сбежал? – ее глаза округлились.

Катя отметила, что женщина – босая, и еще, что у нее под халатом явно ничего больше нет. Заметил это и Сергеев, засопел.

– Я спрашиваю вас о вашем младшем сыне. О Стасике.

Женщина дернула плечом.

– Где ж ему быть? Во дворе небось шлындрает.

На скулах Сергеева заиграли желваки.

– Когда он ушел из дома?

– Да позавтракал и ушел.

«Вот те на, Ира-то обозналась, шли, значит, впустую», – подумала Катя и невольно вздохнула с облегчением: слава Богу, что этот Стасик жив.

– А вы почему не на работе? – сухо спросил Сергеев.

– Любань, кто там? Чего надо? – За спиной женщины зарокотал хрипловатый баритон, и возник его обладатель – низкорослый, кряжистый и волосатый мужик в застиранной майке и весьма нескромных плавках.

– Из милиции тут, Коля.

– Ну? – Колян уперся в Сергеева мутноватым взглядом. – Штой-то?

– Вот отчего мы не на работе, интересуются, – хихикнула женщина.

– А мы в отпуске. В бессрочном. Что ж, это теперь властью запрещается? – Колян оттер Кораблину татуированным плечом. – Зарплату не плотят, зато личной жизнью жить дают. Ну, что надо-то?

– Вы кто такой? – спросил Сергеев.

– Прохоров Николай. На слово поверите или паспорт предъявить?

– Войти позволите? – Сергеев шагнул вперед.

– Отчего ж. Только на «корочку» вашу взгляну прежде.

Он долго и придирчиво изучал удостоверение Сергеева, наконец сказал:

– Ишь ты, май-о-ор. Ну, майор, заходи – гостем будешь, пузырь поставишь – хозяином станешь.

Катя хотела было пройти следом за Сергеевым в полутемный коридор, как вдруг сбоку открылась дверь сорок пятой квартиры. В щель высунулась белобрысая головка – мальчишка лет восьми смотрел на Катю снизу вверх.

– Вы к кому, тетя? – спросил он тоненько.

– К Стасику Кораблину.

– А его нет.

– А где же он? Во дворе гуляет?

Мальчишка шмыгнул курносым носом.

– Его мать из дома выгнала.

Катя наклонилась, снизила голос до шепота:

– Ты точно знаешь?

– Ага. Он колбасу какую-то съел и банку кокнул с огурцами. Так его дядя Колян выпорол, а он его водку в унитаз вылил. Ну, чтоб в расчете быть. Тогда мать его выбивалкой по голове и вон. Я все видел и слышал. Он сказал, что больше домой не вернется.

– Когда это было?

– На той неделе еще.

– Припомни день, пожалуйста.

Мальчишка только пожал плечами.

– Тебя как зовут? – спросила Катя.

– Павлик.

– Не Морозов, случаем?

– Не-а.

– Павлик, а что в тот день по телевизору показывали?

– Про инопланетян мультяшку. Там кибер на землю прилетел и начал наших, ну, людей…

– Павлик, а когда ты Стасика в последний раз видел?

– Тогда и видел. Мы во дворе постояли. Он сказал, что домой не пойдет, все равно его Колян запорет.

– А куда он пошел, не знаешь?

Мальчишка помотал головой – точно одуванчик на ветру.

– А с кем он дружил?

– С Вовкой Подколзиным из второго подъезда. Только тот в Турцию с родителями уехал, давно еще. Еще с Жуком.

– Жуком?

– Ну да, из седьмого дома. Ну ладно, мне рыбок пора кормить, тетя. – Мальчишка юркнул за дверь.

Катя, задыхаясь от гнева, вошла в квартиру Кораблиных. В комнате с неубранной постелью и зашторенными от жары окнами за круглым, покрытым изрезанной и прожженной клеенкой столом сидели Сергеев, Колян и Кораблина.

– Да придет пацаненок, проголодается – явится, – ворчал Колян. – Он у нас парень смышленый, чего вы?

Катя поняла, что Сергеев пока не сказал им о смерти Стасика. Начальник розыска говорил мало, больше слушал. Но Катя всю эту подлую ложь слушать не желала.

– Так, значит, Стасик после завтрака убежал? – спросила она гневно. – После какого, интересно, завтрака?

– То есть как? – Кораблина заколыхалась на стуле.

– А так, что завтрак этот был еще в прошлый понедельник! – взорвалась Катя. – Вы что, мадам Кораблина, что вы нам тут зубы заговариваете? У вас ребенка уже целую неделю дома нет! Вы ж его выгнали, как котенка, за банку с огурцами!

– А-а, моя милиция, это которая бережет и бдит за мной, – Колян усмехнулся горько. – Ну все знают! Все! И о том, как свое дитя уму-разуму учить и как бабу свою…

– Потише, потише, – Сергеев грозно сдвинул брови. Были они у него черные и густые. – А почему вы вводите нас в заблуждение?

– Да ваше-то какое дело?

– Где Стасик? – спросила Катя Кораблину. – Неужели за семь дней вы даже не попытались узнать, что с ним? Вы же мать, Господи!

– Да что с ним будет-то? Он у Светки наверняка околачивается, – заворчала Кораблина. – Он и раньше, как нашкодит, все к ней бегал.

Сергеев встал.

– Кто эта Светка?

– Жена моего старшего. Она учительницей в школе, где Стаська учится.

– Нет его там, – сказал Сергеев.

Катя поняла, что будет дальше, повернулась и пошла вон из квартиры. На лестничной клетке ее настиг звериный вопль Кораблиной.

– Сволочь, вот сволочь! Ну и мамаша! – Катя исходила яростью в кабинете Иры Гречко, куда вернулась в Речной. – Ребенка выгнала, чтоб с мужиком амуры крутить не мешал. Из-за этого все, я сразу поняла – квартира-то однокомнатная. А банка – это только предлог.

– Надо же! Прежде как ломовая лошадь вкалывала, а теперь на тебе – друга сердца завела. Как его, Колян, да? Ну как раз, – Ира покачала головой. – Выходит, кому-то отпуск по безработице на пользу.

– Только не Стасику, – Катя села на краешек стола. Щеки ее пылали. – Я завтра к вам вернусь, если получится. Сергеев обещал Жука установить. И к учительнице съездим. Странно, однако, у уголовника – жена учительница.

– Он не уголовник. Брат Стасика просто обалдуй. Но, как ни странно, добрый. И красивый тоже, – заметила Ира. – Не в мамашу.

– Это кто у нас красивый? – В дверях появился не кто иной, как Леша Караваев – загорелый, взволнованный и запыхавшийся. – Девочки-труженицы, салют! Салют, милые! Эх, двадцать пятый кабинет, опять как в прежние времена, прям душой у вас тут отдыхаешь! Катюш, серьезно, возвращайся к нам, а?

Появление влюбленного Караваева несколько разрядило обстановку. Катя понемногу успокоилась.

Леша сдержал обещание, узнал про дачу: «Хозяева в Германию подались к родственникам, на лето сдают за четыреста».

– А для кого дача? – поинтересовался он.

– Для одного парня с мальчиком. Представляешь, взял и усыновил китайчонка.

– Китайчонка? А где он его раздобыл?

– Не знаю еще, – Катя вздохнула. – Но хороший парень, друг моих друзей. Надо помочь.

– Хорошему человеку поможем, – пообещал Караваев. – Дай ему мой телефон. Пусть звякнет мне и подъедет в Братеевку, вместе и дом посмотрим и, если подойдет, дельце сладим. Ну, ты сейчас куда?

– Она ко мне, – Ира начала собирать вещи. – Семь уже. Ты у меня, Катька, останешься. Чего тебе сегодня возвращаться, а завтра на автобусе сюда тащиться? Своим на работу с утра позвонишь.

Катя хотела было согласиться, но… увидев, какими глазами (ну прямо по семь копеек) Караваев глядит на Иру, передумала: «Нет, надо сматывать удочки. Не мешать тут. Он ее сейчас домой провожать потащится – за этим ведь явился. Глядишь, дело и сладится. И в Чечню ехать погибать геройской смертью не надо будет».

– Нет, Ир, не могу. Я Вадьке обещала вернуться, и не поздно.

– Вадим Андреевич? Приветик ему от меня, – Караваев ухмыльнулся. – Давно он к нам не заглядывал. Передай, мол, Караваев рад будет.

Катя посмотрела в зеркальце «на дорожку». Гречко и Караваев пошли провожать ее до автобусной остановки. Катя мысленно пожелала удачи влюбленному Леше.

Последнее, что она увидела в окно автобуса, было Ирино темно-зеленое платье, мелькнувшее в толпе на привокзальной площади.

Глава 9 ТАИНСТВЕННЫЙ СЛЕД

На следующий день ехать, однако, в Каменск не пришлось. В десять вечера Кате домой позвонил Горелов и сообщил, что «Криминальный вестник» срочно требует интервью со следователем-»важняком», ведущим дела по крупным хищениям металла. «Я уже договорился, – сообщил он. – Завтра в одиннадцать подойдешь к нему».

Ну что ж, в Следственное управление так в Следственное управление, ей было не привыкать, когда вдруг вот так все ее планы летели ко всем чертям. Но перед «важняком» надо было посетить еще одного не менее информированного и ответственного сотрудника.

В четверть десятого Катя уже барабанила в дверь колосовского кабинета. Она жаждала первой сообщить ему о том, что личность мальчика установлена.

Никита сидел на краю письменного стола и названивал кому-то по телефону. Кате он улыбнулся сонно и вежливо.

«Чуть свет уж на ногах, – подумала она. – Вот работка-то, ей-Богу! И как к нему не придешь, он всегда в обнимку с телефоном, вроде и при деле. *Делопут* несчастный!»

Ей вспомнился и другой «делопут» – Вадя Кравченко. Вчера, когда она, еле живая от усталости, добралась из Каменска, она застала его у себя, мирно похрапывающим в кресле перед включенным телевизором, где шла трансляция Олимпийских игр из Атланты. На полу возле кресла стояла батарея пустых пивных банок: видно было, Вадя вовсю наслаждался отпуском, данным ему Чучелом. На жалобные сетования Кати он реагировал сухо:

– Слишком поздно домой являетесь, мисс. – С минуту глядел на экран, где жилистые спортсменки, похожие на породистых лошадок, бежали марафонскую дистанцию, а затем глубокомысленно изрек: – Интересно, что почувствует мужик, если трахнет приятную даму средних лет – вон ту блондиночку, например, только что отмахавшую полный марафон? Будет ли какая-нибудь разница в объективной реальности, ma cher[1], данной нам в ощущении?

Катя поддала носком туфельки пивные банки. Кравченко поймал ее за руку, поцеловал, затем притянул к себе.

– Такое амбре, Вадим Андреевич, прямо ничего человеческого, сплошной «Тюборг», – запротестовала она, вырываясь.

– Пиво не нравится, да? Вот привереда! – он томно вздохнул. – Ну ничего, сейчас отобьем амбре. Вот этот аромат тебе по вкусу, я знаю. – И не успела Катя оглянуться, как он сграбастал со стеллажа флакончик туалетной воды «Живанши», забытый ею утром, выдернул пробочку и опрокинул его себе в рот.

Подобные штуки дурного тона Кравченко откалывал, либо когда был под сильными шарами, либо когда явно не в духе. Катя не стала разбираться. «Живанши» ей было безумно жаль.

– Ты звереешь от безделья, – сказала она. – Займись, дружок, делом. Позвони завтра своему Павлову, передай вот этот телефончик. И завтра же можете отправляться в Братеевку к Караваеву, он вам дачу покажет.

– К Лешке? – Кравченко знал опера так же давно, как и Катя. – О, это всегда пожалуйста. Я вот только забыл, какой коньяк Леша любит – дагестанский или армянский? Что мы там пили в прошлый раз?

Утром, перед тем как Катя ушла на работу, Кравченко забрал телефон в постель и начал названивать Павлову и Мещерскому.

---

[1] Дорогуша (фр.)

– Князюшка тоже поедет, – сообщил он. – Ему твои менты роздых дают. Тайм-аут для самообразования в языке барба. Так он там напереводился со своих экзотических наречий – еле языком ворочает.

Катя, впрочем, подозревала, что в плохой дикции Мещерского виновато не только его профессиональное усердие, но и хлебосольство Петрова: начальник отдела по борьбе с наркотиками умел ублажать ценные кадры.

Она вспоминала все это под монотонное бурчание Колосова в телефонную трубку, как вдруг кое-что заставило ее прислушаться и вникнуть в смысл беседы повнимательнее.

Никита звонил Ивану Егорову – начальнику экспертно-криминалистического отдела Новоспасского ОВД.

– Вань, вот тот след, что изъят с убийства Калязиной, ты уже занимался им? – спросил он.

– А что тебя интересует? – По голосу Егорова было ясно, что тот торопится. – Слушай, у нас оперативка тут у *самого*…

– Погоди секунду. Там этот *босяк*, ну, Челкаш этот… ну, ты что-нибудь о самом следе мне сказать можешь? Это срочно.

– Что? Та-ак. Негативный изолированный след. Вдавленный на мягком грунте. К сожалению, сильно деформированный, к тому же основательно размытый, несмотря на все наши старания. Тот, кто его оставил, видимо, поскользнулся. Проехал всей стопой по грязи.

– Для идентификации он пригоден?

– Не думаю. Там ведь не менее двенадцати родовых признаков требуется. Столько не наберем. О том, кто его оставил, можно сказать, что он среднего роста. Это все, пожалуй.

– Значит, Вань, если я приведу подозреваемого, ты не сможешь сравнить его следы и…

– Вряд ли, я же сказал.

И тут Колосов задал свой вопрос, который так удивил Катю:

– А ты точно уверен, что это *след человека*?

– То есть как? – Егоров хмыкнул. – А чей же еще? Марсианина, что ли?

Колосов помолчал.

– Вань, я так понял: полной уверенности, ну, этих двенадцати родовых признаков у тебя ведь нет, так?

– Ну и что? Чей же это след может быть, как не человеческий? – Егоров кашлянул. – Ну ты, Никита, даешь, где-то вчера хорошо время проводил. «Алька Зельцер» принимай, помогает… говорят.

– Да подожди ты! Шуточки еще свои… Этот след *похож* на человеческий, так?

– Естественно, – Егоров говорил терпеливо, как заботливый отец, беседующий со своим умственно отсталым сыном.

– Но на все сто процентов сказать, что это *человеческий* след, ты, ввиду отсутствия ряда признаков, не можешь, так? – настаивал Никита.

– Я же сказал: след деформирован, смазан. Из него мало что выжмешь.

– Ну ладно. Спасибо, Вань. Извини, что задержал.

– Эй, послушай! А чей след ты хочешь там обнаружить?

Но Колосов уже повесил трубку.

Чей след! Скажешь, о чем думаешь все эти дни, – засмеют в главке. Или на комиссию пошлют – провериться: шарики за ролики не зацепились ли у начальника «убойного»? А то вместе с экземой от «нервов» и не то еще наживешь. Лучше уж пока помолчать.

Он вздохнул и выжидательно взглянул на Катю. А той только этого и надо было. Она взахлеб начала рассказывать ему обо всем, что вчера удалось сделать в Каменске. Колосов смотрел на нее, а в голове его вертелось давнее, детское: «Сорока-сорока, кашу варила…»

– Я после оперативки с Сергеевым свяжусь, – пообещал он. – Хоть здесь стронулось с нуля, и на том спасибо.

– Никита, а что там за след такой? – спросила Катя.

– Это по убийству старушки в Новоспасском.

– А почему *нечеловеческий*? – прошептала она, испуганно округлив глаза. – А чей же он?

Колосов сел, сцепив крепкие кулаки, уткнул в них подбородок. Сказать ей? Так она сразу туда кинется. Сенсацию будет из ничего лепить. Нет, лучше подождать.

– Чей след? – повторила она капризно. – Ты уснул, что ли?

– Тут так просто не объяснишь, Кать. Ты ведь этим делом прежде особо не интересовалась.

– Мало ли! Теперь вот интересуюсь. Ты меня заинтриговал.

– Я и сам заинтригован.

– Ой, Никита!

– Что ой? Я ж говорю, тут надо начинать с самого-самого начала.

– Ну так начни!

Он взглянул на часы.

– Оперативка сейчас, я пошел.

Катя поднялась с сожалением: вот так всегда он, как лис, вывернется, когда информацию давать не хочет.

– Значит, ты теперь заинтересовалась? – спросил Колосов, закрывая кабинет. – Ладно. Может, это и к лучшему. Смеяться не будешь?

– Я? Над кем?

– Надо мной.

– Никита!

– Ладно, – он улыбнулся. – Будет время – загляну. Начнем все сначала. В Каменск поедешь?

– Да, завтра.

– Удачи.

Глава 10 О ВИШНЕВЫХ САДАХ,

УЧИТЕЛЬНИЦАХ И БАЙКЕРАХ

На следующее утро в Каменск снарядились всей честной компанией – втиснулись в кравченковскую «семерку». Катя села сзади вместе с Чен Э и Павловым.

– Спасибо вам за дачу. Должник ваш, – поблагодарил он.

– Может, еще не понравится.

– Да нам все равно какая, лишь бы крыша над головой не слишком худая и дорогая да воздух свежий.

– В Братеевке воздух отличный.

– Место известное, старые дачи, довоенные еще. Думаю, *Тимур и его команда, а также их враг Квакин* обитали именно в таком дачном раю. А я вот на подмосковной даче последний раз был в восемьдесят втором, перед самым Афганистаном. Тетка нас с мамой тогда пустила на постой. У нее дом в Раздорах.

– Вы в Афганистане служили? – спросила Катя и с невольным уважением взглянула на Павлова.

– Было такое.

– Дела давно минувших дней, – Мещерский крутанулся на переднем сиденье. – Ты где «духов» бил, под Кандагаром?

– Кто кого бил… М-да… И там я был, и на Гильменде на переправе… Чистые воды потока Гильменде с отрогов Гиндукуша. И в Пандшерском ущелье. В общем, Запад есть Запад, Восток есть Восток, им не сойтись никогда.

– Самые стремные места, говорят, были, – важно изрек Кравченко и прибавил газу: «семерка» заняла третий ряд и пошла на обгон по Новому шоссе. – Гиндукуш – самая-самая «травка». Отборная – караванные тропы, Синдбад-мореход, Али-Баба – все, что тебе угодно. Перевалочные базы – опий из Китая, героин и терьяк из Пакистана.

– Я вот с этим героином с ума сойду скоро, – пожаловался Мещерский. – Следователь Седова – очень милая дама, старовата только для меня, увы, так она попросила еще и на очных ставках попереводить и, может, в будущем на предъявлении обвинения. Согласился я – как женщине прекословить? Только этот героин… В печенках он у меня. Кать, у тебя энциклопедия была по ядам и наркотикам, так напомни мне, пожалуйста, взять ее у тебя. Мне надо уяснить для себя действие сильного наркотика на человеческую психику.

– Хорошо, только зачем тебе это надо? – спросила Катя, она обняла китайчонка и показывала ему в окно машины белый пароход, плывущий неведомо куда по Московскому водоканалу, мимо которого они проезжали.

– Интересно стало.

– Вы чем-то опечалены, Катюша? – спросил Павлов тихо. – У вас в Каменске дела служебные?

Она тяжко вздохнула.

– Там мальчика убили. Зверски. Я репортаж пишу о том, как идут розыск и следствие.

– Маленький мальчик?

– Десять лет. Стасик Кораблин.

– Не нашли убийцу еще?

– Нет.

– Сволочь он, – Павлов посмотрел на Чен Э. – Я б на месте отца ребенка эту тварь своими прикончил бы руками. И ни один суд у меня б его не отобрал.

– У этого мальчика отца нет. А мать… Иная мачеха лучше. А ваша жена, Виктор, где? – Катя задала свой вопрос чисто механически – думала-то совсем о другом – и тут же поймала в переднем зеркальце заинтересованный взгляд Кравченко. Чувствовалось, тот насторожился.

– Мы развелись пять лет назад, – Павлов ответил просто, буднично. – Она полюбила другого и ушла. Впрочем, – он взъерошил волосы Чен Э. – Нам теперь и вдвоем хорошо. И никого больше не надо. Правда, партизан?

Мальчик повернул голову от окна и улыбнулся, затем снова прилип к стеклу: мимо, бешено вращая мигалкой, промчалась пожарная машина, и от восхищения ее алым великолепием он высунул свой розовый язык.

Они высадили Катю у отдела милиции и отбыли в Братеевку. Она направилась к Сергееву. Через пять минут уже тихонько сидела в углу его кабинета и рассматривала фотографии с места происшествия.

Нет, о любопытстве тут и речи не было. Врагу не пожелаешь видеть такие снимочки! Любопытство, правда, было самой сильной чертой ее характера. Именно оно двигало Катей, когда она услышала странные замечания Колосова насчет следа, задавала ему вопросы – ей уже не терпелось быть в курсе событий по розыску убийцы старушки. Но здесь, над этими жуткими фотографиями, запечатлевшими истерзанного ребенка, она уже не *любопытствовала*, она просто задыхалась от ослепившего ее гнева «Гад, гад, гад! Тысячу раз – гад, – твердила она. – Все равно мы тебя найдем такого. ВСЕ РАВНО».

Сергеев, окончив читать какой-то документ, поднял голову от бумаг.

– Разглядела?

– Да.

– Вчера Бодров звонил. Предварительные результаты вскрытия сообщил. Так вот, *этого* нет. Странно, но факт.

Катя знала, что под *этим* подразумевается половой контакт. Слова, приемлемые в отношении взрослых, употреблять в отношении маленького ребенка – язык не поворачивается.

– Может, он не успел, его спугнули, – она возвратила фотографии. – А кто обнаружил Стасика?

– Загурский. Он на свалке – это ж его участок – бомжей искал. Говорит, вроде повадились какие-то. И наткнулся. Редкий случай, когда милиция вот так сама, без вызова со стороны…

«Ничего и не редкий, – подумала Катя. – И не такое еще бывало. Вон ребята из Следственного управления на Длинное озеро на шашлыки ездили в выходной. Рыбку хотели половить, а вместо рыбки спиннингом зацепили утопленника – синего-пресинего, вздутого. Пришлось тут же вспомнить, что они не простые отдыхающие, а милиционеры. Полезли доставать тело. А там уж *перчатки смерти*: кожа, как мокрый картон, расслаивалась. Какие уж после этого шашлыки! Передали труп местным работникам, удочки да шампуры в багажник побросали – и давай Бог ноги с этого Длинного озера».

– И все-таки он, наверное, просто не успел над ним надругаться, – продолжила она. – Иначе для чего он убивал?

– Может, не успел, может, не смог, не… – Сергеев запнулся. – Ну ладно. Жука мы установили, и не одного, а целых двух: братья Жуковы – Роман и Иннокентий. Живут действительно в седьмом доме. Одному – девятнадцать, другому – одиннадцать.

– А с кем Стасик дружил?

– Ну, думаю, с младшим, конечно, с Кешей. Старший – как неуловимый Ян, он вожак кодлы нашей, ну, что на мотоциклах по ночам гоняет. Байкеры, что ли, черт их знает. Я вчера к ним ходил – дома только бабка глухая. Родители на Севере, что делают там – неизвестно, какие такие капиталы заколачивают? Кешке я через бабку наказал быть сегодня непременно дома и брата отыскать, он нам тоже нужен. Так что…

– Ты когда к ним собираешься?

– В обед.

– Я с тобой. А пока, – Катя оглянулась. – Ты у учительницы вчера был?

– Нет.

– Нет?

– Я, Кать, это тебе хочу поручить, – Сергеев чуть улыбнулся. – Если хочешь, конечно. Я думаю, женщина там больше толку добьется.

– Вот, – Катя встала, обрадованная, что и ей дело нашлось. – Я же говорила тебе, Саша, без женщин и в розыске уголовном не обойдешься!

– Пустяки, обойдусь. – Сергеев был ярым противником приема женщин в оперативные службы. – От ба… прости, от прекрасного пола – один содом и склоки. А если разовое поручение подвернется, – он беспечно махнул рукой, – всегда найду ту, кто меня выручит. Сегодня ты вот. Но в общем и целом – никаких юбок.

– Сейчас вроде для женщин новую форму вводят. Брюки-галифе, – Катя любила, чтобы в подобных беседах последнее слово всегда оставалось за ней.

В школу, где преподавала Светлана Кораблина, Катя отправилась пешком. В Каменске вообще транспорта мало. Маршруты рейсовых автобусов пролегали в Новом микрорайоне, а здесь, в старой части городка, раз в три часа проезжал по улицам дребезжащий «ЛиАЗ» под номером «К».

Вначале Катю удивило: каникулы в самом разгаре, почему Кораблина торчит в школе? Но Сергеев пояснил:

– У нее квартира служебная во флигеле. Это ж наша старейшая школа, там до революции еще гимназия была городская. Имелись при ней казенные квартиры. Ну, их и сохранили – сделали учительскую коммуналку. На лето, правда, там все разъехались, так что девица одна там сейчас кукует.

Катя шла и глядела только себе под ноги. После *тех* фотографий ее не радовало ни это тихое солнечное утро, ни шелест лип в Парке труда, ни шаловливый щенок-водолаз, метнувшийся к ней шерстяным колобком от своей зазевавшейся хозяйки.

Катя брела, как она любила говорить, «чеканя шаг», – грозная и неумолимая, как Рок и Судьба (так ей представлялось в ее грезах). И если бы этот ГАД сейчас вот попался ей на пути… О, он бы пожалел об этом! На всю оставшуюся гадскую жизнь пожалел.

Она вспоминала, как на судебно-медицинском языке называлось нездоровое влечение к детям. Кажется, *педофилия*. Ну-с, господин подонок, ты у нас такой? Ты из тех, кто тайно подглядывает за детьми в щель туалета и душевой кабинки? Ты любитель «Лолиты»?

Она сама впервые прочла этот роман Набокова в университете. В те времена он ее просто заинтересовал: модный, тогда еще полузапрещенный. Во время своей работы следователем она прочла его снова. Прочла и… положила томик Набокова на самую дальнюю полку, где хранились книги, которые она никогда уже не брала в руки. Набоков с тех пор стал абсолютно для нее закрыт. Она знала, что это талантливый, отличный писатель, но… тон «Лолиты» она простить ему не могла. Поработав следователем, поварившись во всей этой каше, щедро сдобренной детскими и взрослыми слезами, Катя *слишком хорошо* себе представляла, *что делал* герой романа с той двенадцатилетней девочкой.

Педофилия…

Итак, в Каменске завелся господин педофил. Двуликая тварь с огромным ножом. Кровожадная, жестокая тварь. Какое же сердце надо иметь, чтобы *двадцать девять* раз погрузить клинок в детское тельце? Из железа? Из камня? Двадцать девять раз он его ударил – получал удовольствие, наверное, балдел, наслаждался его мучениями. Как ТОТ…

Катя вспомнила: аналогичные события происходили и во время операции «Лесополоса», когда ловили Чикотило. Трупы детей, попадавших к нему в руки, находили изуродованными до неузнаваемости.

Тогда тоже ломали голову: зачем он это делает *так, а не иначе*? Почему наносит столько ран? Почему, нередко, погружая клинок в тело жертвы, ворочает им, вращает?

Эксперты, составлявшие психологический портрет маньяка, высказали предположение: нож воспринимается убийцей как половой орган. Нанесение ран для него – некий оргиастический ритуал, при котором проникающее в плоть лезвие ножа выполняет функцию чудовищного оплодотворителя. «Имитация полового акта, обладания жертвой». Эксперты тогда выдвинули версию, что убийца – импотент. Что впоследствии и подтвердилось.

«Сволочь, какая же сволочь», – она тут же обругала себя: становишься слишком грубой. Не следишь за своими выражениями. Забываешься. А как тут не забыться? Тут и не такими еще словами заговоришь!

В дверь учительской коммуналки пришлось долго звонить. Никто не открывал. Катя оглянулась: жилище Кораблиной занимало левую часть одноэтажного школьного флигеля. Обстановочка тут была как в «Вишневом саду» – французские окна, облупившаяся штукатурка стен, лепной, местами обитый карниз, поросший зеленым мхом фундамент. А в окна лезут ветви старых вишен, на которых сражаются за недозрелые ягоды полчища воробьев.

Наконец в окне кто-то отодвинул кружевную занавеску. Через минуту глухо брякнул запор – дверь отперли. С порога на Катю смотрела молоденькая тоненькая девушка в простеньком ситцевом сарафане. Лицо ее, опухшее и покрасневшее, было таким заплаканным, что Катя опешила.

– Здравствуйте, я – капитан Петровская из милиции, вот мое удостоверение. Меня зовут Екатерина. Я хотела бы с вами поговорить о…

Девушка закрыла лицо ладонями, плечи ее тряслись. Толстая русая коса подпрыгивала между остреньких, точно сложенные крылышки, лопаток.

– Прох-ходите, – она с трудом подавила рыдания, обернулась: слезы текли по щекам. – Вы… о Стасике… да?

Катя молча кивнула. Она поняла, почему Сергеев не пошел к Кораблиной сам, а направил ее.

В комнатке – от двери направо по длинному темному коридору с тусклой лампочкой – чисто и бедно: стол с лампой, видно, что казенный, с биркой, такой и за рабочий, и за обеденный сойдет, диван с пестрыми подушками, над ним – размытая акварель в самодельной рамочке, на столике телевизор «Юность» и старенький маг – «Шарп». На платяном шкафу – связки книг, под стулом – пушистые клетчатые тапочки.

Такие и у Кати имелись, она купила их в ГУМе – так называемые швейцарские «степки». Эти тапочки пусть и будут той ниточкой, что протянется через этот океан горя.

– Красивые какие, – похвалила Катя, усаживаясь на диван. – Тапочки чудесные. Вы где такие приобрели?

– В Гуу… ГУМе, – девушка всхлипнула. – На рас-с-спродаже.

– На распродажах сейчас выгодно покупать, – поддакнула Катя. – Скидки. И детское можно кое-что приобрести…

– Я с прошлой зарплаты Стасику куртку купила в «Бенеттоне». Хотела подарок ему на день рождения сделать. У него шестого ав-вгуста…

– «Шестое августа по-старому, Преображение Господне», – Катя вздохнула: Пастернак и не знал, что родится в его любимый день лета маленький Стасик. – Он, значит, в ту неделю к вам не приходил?

Учительница покачала головой, сидела она сгорбившись, обхватив себя руками за плечи, точно мерзла в этот жаркий день.

– А прежде он у вас часто бывал?

– Да. Прежде – да. Когда мы с Сережей жили, даже хотели его насовсем забрать. С тех пор как у Любови Ивановны поселился этот жуткий Колян, там никакой жизни для мальчика не стало. Но потом… – учительница густо покраснела, – когда Сережу арестовали…

– Господи, на кой черт ему эти машины сдались? – Катя посчитала, что столь эмоциональное восклицание только подхлестнет этот печальный разговор. – Он же – я в этом убеждена – порядочный парень.

Девушка опустила голову.

– Он очень хороший. У него с работой были трудности. Зарплату не платили. Я и понятия не имела: он не говорил, наоборот, сказал – нашел интересное место, деньги приносил… А сам, – она снова всхлипнула. – Они машины угоняли, разбирали их в каком-то гараже, продавали детали какие-то. А все этот мотоцикл проклятый! Он на него копил, копил и… – Она махнула рукой.

– Вы где познакомились с мужем?

– В зубном кабинете. Я трусила дико, а он шуточками своими меня успокаивал. Он очень хороший, – повторила Кораблина горячо. – И Стасика он любил. Да если бы он был сейчас тут, разве с мальчиком такое бы случилось?!

– А когда Стасик у вас был в последний раз?

– Двадцать пятого июня. Два дня у меня прожил. Потом я его домой отвела. Он не хотел. Я знала, что ему там тяжело, но… У меня тогда выхода не было, – девушка подперла голову кулачком. – И потом… Любовь Ивановна – все же его мать, если б не этот Колян отвратительный…

– Вы в компании взрослых мужчин Стасика когда-нибудь видели? – спросила Катя.

– Нет.

– Вспомните поточнее: сосед какой-нибудь, знакомый, дядя-прохожий, добрый, словоохотливый.

– Нет, таких не видела.

– А на станции он часто крутился?

– Мальчишки туда как мухи на мед летят с тех пор, как там игровые автоматы поставили. Я его там ловила, когда он школу пропускал.

– И такое было?

– И такое. Зимой. В мае тоже у него пропуски были…

– И что же он делал, когда не ходил в школу?

– Ну, как он мне потом говорил – зимой они с мальчишками на канал лед смотреть бегали, на санках катались. А в мае – жуков ловили.

– Каких жуков?

– Майских, – Кораблина бледно улыбнулась. – Он их в спичечные коробки сажал. Одного мне подарил. От всего сердца. Я его тихонько в форточку потом выбросила. Жутко насекомых боюсь.

– Я тоже. Особенно гусениц, – согласилась Катя. – Вы в школе младшие классы ведете?

– С первого по четвертый. Стасик был мой ученик, – Кораблина закрыла глаза рукой. – Скажите, того… ну, того, кто это сделал, поймают?

– Обязательно.

– Он сумасшедший? Маньяк?

– Он последний гад, Света.

– Да.

Они посмотрели друг на друга. Многое иногда может сказать женский взгляд.

– Скажите, а о том, что мать снова выгнала Стасика, вы знали? – спросила Катя после паузы.

Щеки Кораблиной вспыхнули.

– Что вы! Да если бы я знала, разве позволила бы ему на улице ночевать!

– А почему вы решили, что он ночевал на улице?

– Не знаю. А разве нет?

– Мы пытаемся установить, куда он мог пойти, где жил все эти дни. Вы такого Жука не знаете? Кешу Жукова?

Кораблина наклонилась зачем-то.

– Н-нет, – голос ее прозвучал неуверенно. – Это не мой ученик, не из нашей школы.

– Простите мой вопрос, – Катя встала: все, больше из этой «училки» ничего не вытянешь. – Света, а сколько вам лет?

– Двадцать шесть.

– Вы что окончили?

– Педагогический.

– А сами откуда?

– Из Ясной Поляны. Моя мама в музее работала. Если бы не Сергей, наверное, после института туда бы вернулась, а тут…

Тут вдруг за окнами раздался оглушительный треск. Катя отвела занавеску. На дорожке под самыми окнами газовал мотоциклист. Мотоцикл у него был яркий – черно-красный, точно жук колорадский. Катя разглядывала его владельца: молодой длинноволосый загорелый шатен. Сюда смотрит, на окна Кораблиной. Руки и плечи у него еще по-мальчишески худые, но уже тянет юнец на стиль, на *прикид* – черная майка-безрукавка, кожанка завязана узлом на поясе, черные джинсы в металлических заклепках.

– Ваш ученик? – пошутила она.

Кораблина взглянула в окно и резко задернула занавеску. Глаза ее были пустыми.

– Когда можно будет забрать тело из морга? – спросила она глухо.

– Вы в прокуратуру позвоните, дело следователь Зайцев ведет. Он вам все скажет.

– Хорошо.

– К матери его, вашей свекрови, не пойдете?

– НЕТ, – учительница отвернулась. – НИ ЗА ЧТО.

– А в прокуратуру сходите, если вызовут. Может быть, вспомните что-нибудь.

– Хорошо.

Она проводила Катю и тут же захлопнула дверь.

Мотоциклист снова поддал газу – машина его взревела, описала по двору круг и в мгновение ока умчалась в направлении Нового шоссе.

Катя возвращалась в отдел. Итак, дела тут такие: учительница младших классов знакомится в зубном кабинете с красивым парнем, который впоследствии оказывается шефом шайки автоугонщиков. Бурный роман, брак, следствие, суд. Как все просто в провинциальных городках! И как все сложно – это вам не «Весна на Заречной улице», хотя тема та же, вечная тема…

И еще имеется тут мотоциклист-*байкер* под самыми окнами. Занятный мотоциклист. Что его привлекло в вишневый сад этой старой школы – вишни или учительница, а?

Глава 11 РАЗБИТЫЕ ЧЕРЕПА

С Ольгиным Колосов созвонился утром. Начальник лаборатории в Новоспасском действительно оказался на другом своем рабочем месте – в Музее антропологии, палеонтологии и первобытной культуры в Колокольном переулке.

– А что, собственно, вас интересует? – спросил он, когда Колосов, представившись, попросил его о встрече. – Ну, приезжайте в половине четвертого. И не опаздывайте. Только вряд ли я сумею вам чем-то помочь.

Утро и день после этой лаконичной и холодной беседы развивались для Никиты весьма бурно. В одиннадцать его вызвали к начальству. Разговор шел самый традиционный: повышение процента раскрываемости, активизация работы по преступлениям, получившим большой общественный резонанс. Никита знал: *шеф* жмет на заказные убийства: дотошно допытывается, как идет работа, что сделано, в чем проблемы. «Ну а почему, если так все бодро рапортуешь, результатов нет?» – повторял он недовольно.

– Ты, я смотрю, это дело по Новоспасскому окончательно на себя замкнул, – сказал он. – Конечно, то еще дело, но и про другие забывать нельзя.

Никита только хмурился, молчал. *Шефу*, главное, не возражать, даже если разозлится, покричит – отойдет.

– Типичный серийник, – продолжало начальство задумчиво. – Раскручивается на всю катушку. Третий случай в области… Ну, какие-нибудь соображения у тебя уже есть?

– Я еще не разобрался, – ответствовал Колосов.

– Так разбирайся, Никита Михайлович! Быстрее действовать надо. С апреля месяца ведь вся эта карусель продолжается. Разбирайся и помни: сроки теперь другие стали. Шесть лет, как с Головкиным, нам никто теперь не даст.

– Можно подумать, что их раньше нам отстегивали!

– Ладно, шерсть уже дыбом. И что у тебя за характер? Иди разбирайся, только учти – буду с тебя лично требовать раскрытие этого дела. Раз ты сам все на себя взял. И чтоб по другим происшествиям проволочек не было. А по убийству мальчика что? Личность установили, а дальше?

Колосов засопел: шеф всегда подгонял своих вороных. И чужих, впрочем, тоже. Не из тех он, кто тише едешь – дальше будешь. Тоже характер прескверный.

– Сергеев работает, он…

– Он, между прочим, убежден, что характер нанесенных мальчику ранений свидетельствует о том, что в Каменске тоже действует серийник. Это его первая известная нам жертва. Но не исключено, что были и другие, о которых мы ничего пока не знаем.

Никита только молча кивал. Серийник! Один маньяк, второй маньяк – размножаются делением, что ли? Как амебы? Или сезон у них такой повышенной возбудимости? Сезон кобелиного гона. Так нет, обострения всякие у шизоидов весной-осенью бывают. Хотя… В природе все сейчас так перепуталось.

Он не сразу расслышал, о чем спрашивает его начальник управления розыска:

– Никита, что у тебя с рукой? Поранил?

– А? Нет, это так. Цыпки великовозрастные.

– Оружие держать не помешают?

– Нет.

– В четверг стрельбы в Мытищах. Ответственный от розыска – ты.

– Есть. Сделаем в лучшем виде.

Выходя из приемной, Колосов столкнулся с Коваленко.

– Никита, там Георгадзе привезли, – зашептал он тревожно. – Сам пойдешь?

Дело Георгадзе было успешно раскрытым заказным убийством. Вахтанг Георгадзе – владелец фруктовых магазинов на Рижской площади – был найден мертвым в мае 1996 года в подъезде дома в подмосковном Щелкове, где семья Георгадзе приобрела две трехкомнатные квартиры на одной площадке. Фруктового «короля» убрали классически: пистолет с глушителем, два выстрела в сердце, контрольный в голову.

А раскрывали это убийство всего две недели. Наемными киллерами оказались местные щелковские «бичи». Но вот с заказчиками дело обстояло поинтереснее.

К тому, что жена-злодейка нанимает убийц для собственного мужа, в розыске уже попривыкли: примерно две трети заказных убийств возникало на почве вот такой семейной бытовухи. Однако только не у кавказцев, где женщина традиционно занимала скромное, подчиненное положение.

Но Кетеван Георгадзе – сорокапятилетняя, крашенная под блондинку, хорошо за собой следила, довольно интеллигентная дама – быть на вторых ролях не желала. Пять тысяч долларов, которые ежемесячно давались ей супругом на ведение домашнего хозяйства, воспринимались ею как жалкая подачка. Она презирала своего мужа за глупость и жадность и добивалась равного участия в делах семьи. Ей не терпелось войти во фруктовый бизнес, в котором она, по ее убеждению, смыслила гораздо более мужа. Не терпелось стать самостоятельным и богатым и ее сыну шестнадцатилетнему Нодари.

Тех «бичей» нанимала сама Кетеван. Нодари по ее поручению ездил в Пушкино, где приобрел у подпольного торговца «беретту» с глушителем. Наемникам заплатили десять тысяч долларов. Всего.

– Я б дала им в два раза больше, в три, в пять, если б это гарантировало их полное молчание, – говорила Кетеван, когда Колосов и Коваленко допрашивали ее сразу после задержания. – Но у мужчин худой рот. Они ничего не умеют. Даже молчать не способны, когда речь идет об их же интересах. Мужчина, вы только не обижайтесь, молодой человек, это прореха на человечестве. И мой муж был ею.

Делом этой грузинской феминистки Колосов занимался очень плотно до происшествий в Новоспасском и Каменске. К Кетеван он чувствовал невольное уважение.

При всей своей жестокости и корыстолюбии это была очень сильная женщина. Глядя на нее, Колосов всегда вспоминал легендарную царицу Тамару.

– Мне жаль, что ваша жизнь с мужем кончилась вот так, – сказал он ей, когда ее увозили в Волоколамский следственный изолятор. – Неужели нельзя было решить ваш спор по-другому, без крови?

Кетеван тогда долго молчала. Потом подняла на сыщиков темные, огненные, скорбные глаза.

– Сейчас, когда мой сын, мой мальчик в тюрьме, я все бы отдала, лишь бы не было крови. Но… это касается только сына.

– По оружию привезли? – спросил Колосов.

Коваленко кивнул.

– Нодари наконец согласился показать, где приобрел пистолет. Не выдержал все-таки. Якобы в двух шагах от станции это место. Я РУОП в известность поставил, пусть нас подстрахуют.

– Пусть. Только пусть вперед батьки в пекло не лезут. Это наша операция, – ревниво заметил Никита. – Пойдем послушаем сказки Венского леса, – и он вразвалочку направился к кабинету, где сидели его сотрудники и привезенный задержанный.

Из-за этого весьма затянувшегося рандеву он едва-едва не опоздал в Музей антропологии на встречу с Ольгиным. Выскочил из главка, бегом пересек Никитскую и углубился

в лабиринт переулков. Идти по разбитым тротуарам было так же нелегко, как и по горному обвалу. Он с трудом преодолел всю перерытую бывшую улицу Грановского, свернул налево, миновал целый ряд стройплощадок, где реставрировались старые московские особняки.

Солнце нагревало асфальт, стены домов. От пыли и строительного цементного хлама было просто нечем дышать. Господи, как же хреново в Москве в таком расплавленном июле! Никита то и дело вытирал мокрый лоб и шипел тихие ругательства. Сейчас лежать бы где-нибудь в Красково у прохладного пруда на золотом песочке, тянуть пивцо из горла и посматривать на ножки молоденьких купальщиц. А тут какой-то музей!

Мимо Зоологического, например, расположенного прямо напротив здания ГУВД, он даже ходить не мог иначе, как задерживая в груди дыхание. Из открытых дверей всегда несло тошной вонью нафталина, которым щедро сдабриваются ветхие музейные чучела.

И тут вот какая-то антропология-палеонтология, кости трухлявые, да в придачу еще база с обезьянами, которые… которые… Черт бы их всех взял со своими загадками!

Наконец он достиг высоких дубовых дверей с нужной вывеской и вошел в прохладный музейный вестибюль.

– Майор Колосов, уголовный розыск области, вот мое удостоверение. Мне Ольгин Александр Николаевич нужен, – отчеканил он вышедшей ему навстречу толстой старшей вахтерше.

– А, здравствуйте, мне Сан Николаич говорил про вас. Наверх ступайте, – сказала та. – Наверх по лестнице, через залы и в коридор направо. Там кабинеты увидите. Он в двадцать третьем.

Никита брел по пустынным гулким залам. Глазел по сторонам: стенды, витрины, кости, фрески, рисующие картины первобытной жизни, и снова – кости, кости…

Какие-то страхолюдные зверюги, какие-то приземистые обезьяны с дубинками в лапищах – видно, реконструкция чего-то или кого-то.

В одном из залов его поразило обилие черепов. Он невольно задержался, подошел вплотную к стеклянным витринам, за которыми на черном бархате, снабженные аккуратными табличками с номерами, покоились эти глазастые, скалящиеся останки. Некоторые черепа были желтыми, точно старый засохший клей, другие – бурыми с наростами известняка. «Окаменелые, что ли?» – думал Никита, вглядываясь в их жутковато-пустые глазницы. От некоторых черепов сохранились только фрагменты: височная кость, челюсть с двумя-тремя зубами.

Один череп лежал на отдельной тумбе под колпаком из пуленепробиваемого пластика. Колосов обошел его кругом, его поразило то, что в затылочной части черепа имелось аккуратное отверстие размером с шарик для пинг-понга. Кто-то мастерски пробил и выломал кости.

А рядом на низком стенде лежали другие черепа. Никита наклонился, невольно присвистнув: эти разбили чем-то твердым, тяжелым. Особенно пострадали от ударов лобная и теменная части – трещины, осколки костей… Где-то он уже видел это… Только там раздробленные кости были белыми, свежими, а здесь – потемневшими от веков и тысячелетий, схожие видом с камнями на морском берегу.

– Это находки из пещеры Чжоукоудянь в Китае, – раздался сзади приятный баритон. Обладатель его слегка растягивал гласные и по-южному смягчал согласные. – Вы, значит, будете Колосов?

Никита круто обернулся. Перед ним стоял плотный брюнет в белоснежной рубашке с короткими рукавами и габардиновых брюках цвета «хаки». Лицо его – широкое, округлое – было довольно симпатичным. Темные глаза щурились.

– Ольгин, Александр, ну, будем знакомы, – сказал он медленно. – Нравятся наши сувениры?

– Жутко здесь, – Никита передернул плечами. – Словно у охотников за головами в гостях.

– Это образцы эволюционного развития. Ну, пройдемте-ка ко мне, раз тут вам жутко, – он вывел Колосова в коридор. (Катя сразу бы узнала это место, напомнившее ей старый университет.)

Ольгин толкнул одну из дверей и пригласил начальника отдела убийств в тесную комнатку, все пространство которой занимали древний желтый письменный стол, заваленный бумагами, и пододвинутая к нему вплотную, неожиданно модерновая компьютерная стойка с компьютером.

– Ну, присаживайтесь. – Ольгин переложил бумаги со стула на подоконник. – Вы по поводу убийства бабы Симы? А разве того типа до сих пор не нашли?

– Пока нет.

– Званцев мне сказал, что там грабитель какой-то, да? Что ж он, подлец, старух грабит? Шел бы лучше дачи «новых русских» бомбить.

– Мы думаем, что он не простой грабитель. Его отчего-то привлекают именно пожилые люди, – ответил Колосов и тут же перевел разговор на другую тему. – Я тут дважды на вашей базе побывал. Чудеса у вас там в решете. Кто бы мог подумать, что обезьяны так вольготно будут жить в сорока пяти километрах от Москвы!

– Живут, – Ольгин навалился грудью на стол. – Неделю я там не был, а сколько всего изменилось! Тут работы до черта. Ну, завтра возвращаюсь. Хоть отдохну там, на природе.

– Мне вот что удивительно, – Никита посмотрел в окно. – Ну, зимой, понятно – в тепле они сидят. Но сейчас? Дожди летние, похолодания там всякие… Как они переносят климат средней полосы?

– Нормально переносят. Впрочем, не нами это установлено. Несколько лет назад, знаете ли, в Псковской области стадо шимпанзе на лето выпускалось на волю. На острове они жили. И ничего себе жили, размножались даже. Максимальное приближение к естественной среде было достигнуто.

– Изучали их, значит?

Ольгин рассеянно кивнул. Было видно, что разговаривать ему с любопытным сыщиком скучно.

– А почему их на остров выпустили? Не в вольер, не на участок леса огороженный?

– Для более полной изоляции.

– Кого от кого?

– Что? – Ольгин взглянул на Никиту удивленно. – Я не понимаю вас.

– Обезьян от людей или людей, окрестных жителей, от обезьян изолировали? – осторожно спросил Никита.

Ольгин помолчал.

– И тех, и тех, – сказал он, – в общем, это был весьма смелый, я бы даже сказал, рискованный эксперимент.

– Простите, а зачем вообще выпускать шимпанзе в подмосковном или псковском лесу? На кой черт, простите, они нам тут?

Ольгин усмехнулся.

– Вы, наверное, слыхали, что эти приматы в некотором роде наши прадедушки и прабабушки. Неужели не любопытно взглянуть, как они там живут, что поделывают, когда им никто не мешает?

– Ну, не знаю, – Никита вздохнул. – Званцев ваш сказал мне, что к ним даже приближаться нельзя, когда они в клетках. Одна обезьянища, здоровый такой бугай, тяжеловес, прямо Мохаммед Али, так заревела, как меня увидела!

– Хамфри, наверное? Он чужих не любит. Бдит всегда, территорию свою охраняет. У обезьян очень развито чувство территории. Впрочем, как и у нас. Из обезьяньего рыка Хамфри, может, весь наш патриотизм вышел, а вы говорите – зачем наблюдать? Вы должны простить его, он все-таки зверь пока еще… – Ольгин неожиданно умолк, отвернулся.

– Скажите, а вы своих шимпанзе из клеток когда-нибудь выпускаете? – Колосов подходил к тому, зачем, собственно, и явился в музей.

– Сейчас нет.

– А раньше?

– И раньше нет.

– Когда я приехал на базу, у этого здорового Хамфри ноги или задние лапы – Бог его знает – были в грязи. А пол в клетке бетонный…

– Вы чрезвычайно наблюдательны, – заметил Ольгин.

– Так как такое могло получиться?

– Понятия не имею, – Ольгин пожал плечами. – Меня не было на базе. Вы же знаете это. Хамфри – большой чистюля. Это на него не похоже. Впрочем, завтра приеду – разберусь, что там произошло. А можно мне вам задать вопрос, Никита Михайлович?

Колосов кивнул.

– Что вас так наши антропоиды интересуют? Они что, по-вашему, какое-то отношение имеют к убийству бабы Симы? В грабители их записали?

Никита вспыхнул: его поймали за язык. Тут же обругал себя: не будь дураком, веди беседу нормально, он же, этот спец, сейчас на смех тебя поднимет. И прав будет, тысячу раз прав!

– Когда происходит убийство, мы всегда стараемся досконально уяснить для себя ту обстановку, в которой находился потерпевший. Признаюсь, что с таким учреждением, как ваше, я впервые сталкиваюсь, – он старался говорить спокойно. – Многое мне совершенно непонятно. Поэтому я обращаюсь к вам за помощью.

Ольгин улыбнулся примирительно и украдкой взглянул на часы:

– Я вам с удовольствием помогу.

– Тогда скажите, вы кто по профессии?

– Антрополог.

– А как называется та программа исследований, что проводится вами на базе в Новоспасском?

Ольгин полез в стол, достал какую-то папку.

– Официальное название… Вам же официальное, я понимаю, нужно, – «Рубеж человека. Природа грани между человеком и животным».

– М-да, лихо, – Колосов потрогал ямочку на подбородке. – А у вас со Званцевым какая конкретно тема? Это ведь, – он кивнул на папку, – нечто абстрактное, да?

– Конкретная наша тема, – Ольгин сощурился так, словно в глаза ему било яркое солнце: – «Изучение поведения антропоидов в условиях перехода к орудийной деятельности». Мы проводим серию опытов.

– Хотите научить шимпанзе гайки закручивать?

– Хочу доказать обратное.

– Что обратное?

– Обратное утверждению, что, мол, «труд сделал из обезьяны человека». Поясняя, я упростил все, естественно, не принимайте мои слова буквально.

– М-да… буквально… – снова протянул Колосов. Черт возьми! Ну что тут скажешь? Тут и спросить больше не знаешь о чем. Вот ученых-то Бог послал!

– Я вот слышал, что у вас с вашими приматами ЧП разные выходили, – молвил он наконец. – Хамфри однажды бросился на гражданку Калязину. ОН ведь ручной, цирковой. Что же с ним случилось такое? Чем ему старушка насолила?

– Она ему под горячую руку попалась. Что, у людей разве такого не бывает?

– И все-таки как это произошло? Когда?

– Это случилось в прошлом году, кажется, в декабре. Здесь, в лаборатории института, а не на базе. Она хотела убрать из его клетки миску – воду он разлил. Он и прихватил ей зубами руку. Легонько. Но с тех пор баба Сима уборкой клеток не занималась.

– А вы… На вас он разве не бросается?

Ольгин снова посмотрел на часы.

– Понимаете ли, в сообществе приматов все члены стада придерживаются весьма жесткой иерархии. Каждый занимает свой шесток. Наказывают только нарушителей правил. Мы с Олегом стараемся никогда, ни при каких обстоятельствах эти правила не нарушать. Хамфри ценит это и доверяет нам.

– А другие обезьяны, они не пытались бросаться на людей?

Ольгин нахмурился и снова посмотрел на часы.

– Вы куда-то торопитесь? – недовольно заметил Колосов.

– Н-нет, то есть да. Тут надо не опоздать в одно место.

– Тогда я сейчас ухожу, – заверил его Никита. – Только несколько последних вопросов. В прошлом году у вас был инцидент со змеями. Их кто-то выпустил из клеток. Ваш ветеринар Иванова сказала, что это сделала обезьяна по кличке Чарли. Выходит, обезьяны-то все-таки у вас по базе разгуливают?

– А Иванова не сообщила вам, по чьей вине произошел этот инцидент? – осведомился Ольгин раздраженно.

– Нет.

– У Чарли обнаружились кишечные паразиты. Мы поместили его в веткабинет на обследование. Оттуда по недосмотру Ивановой он и удрал. Уколов испугался.

Колосов невольно улыбнулся.

– И они, значит, лечиться боятся?

– Еще как! Иванова – отличный специалист, но… – Ольгин извиняюще развел руками. – Женщина. Что поделаешь? Личное выше общественного – с молоком матери, так сказать…

– Она последняя видела Калязину перед смертью, – как бы между прочим сообщил Колосов. – Они у ворот разговаривали. Кто бы мог подумать, что спустя полчаса такое может случиться!

Ольгин поднялся. Видимо, он решил, что гость его слишком засиделся на этом клеенчатом казенном стуле.

– Разве при той беседе не присутствовал приятный молодой человек? – спросил он, криво усмехаясь.

Колосов насторожился: это что еще за новости?

– Нет. Иванова сказала, что они с Калязиной были у ворот вдвоем.

– Да? Ну, может быть. Наверняка так оно и было, раз она говорит, – тут же согласился Ольгин, но глаза его блеснули. – Сожалею, что тороплюсь. Рад был вам помочь. Да, видно, – нечем. О бабе Симе мы все здесь скорбим. О похоронах родственники договорились. Мы помогли, чем смогли. Ну, если будут новости – сообщите. Желаю вам скорее отыскать того негодяя.

– Спасибо, – Никита нехотя поднялся.

Когда они шли по залу черепов, он спросил, указывая на череп с отверстием и раздробленные черепа:

– Почему они повреждены таким странным образом?

– Это ископаемые черепа неандертальцев, – пояснил Ольгин. – Этот из Крапины – местечко такое в северной Югославии. Эти, как я уже говорил, из Китая. А повреждены почему… *Мозг из них извлекали таким образом*. Неандертальцы были пребольшие лакомки и больше всего ценили мозги – вместилища разума и божественного гения, коего у них еще не наблюдалось.

– Но это же… это же их черепа, человеческие…

– Неандертальские, вы хотите сказать. Что ж, – Ольгин вздохнул. – Это означает, что наши предки были всего лишь банальными каннибалами.

Колосов вышел из музея в странном смятении чувств. Быстро зашагал к Новому Арбату, ни разу не оглянувшись назад.

А Ольгин долго смотрел ему вслед из окна. Затем поднялся к себе в кабинет, снова взглянул на часы и достал из запертого ранее ящика стола маленький пузырек с бесцветной жидкостью и одноразовый пластмассовый шприц в целлофановой упаковке. С минуту он смотрел на него, а затем разорвал обертку.

Глава 12 МОРЕ ТРАВЫ

Иголка плавно вошла под кожу. Укол был весьма ощутимым. Ольгин вздрогнул: он трепетно относился к любой боли, тем более причиняемой себе самим. Осторожно надавил на шприц. Маленький поршень загонял жидкость туда, куда и требовалось, – в его тело. Сейчас кровь подхватит, растворит в себе эту «ликву», разнесет ее по сосудам… и…

Он смотрел на свое обнаженное бедро. Некоторые целят в вены на руках, но на ноге вернее… Бедренная артерия – его любимое место.

Нет, какое же все-таки малопривлекательное зрелище – голая мужская нога. В приспущенных стыдливо брюках есть что-то позорное, детское – ремень, отец, «двойка» по геометрии… Обнаженная женская ножка, задранная юбка над круглой попкой не рождают таких ассоциаций. Там совсем другие ассоциации… совсем… другие-е…

Он медленно погружался во тьму. Словно тонул в чернильно-черном, бархатном, душном море. Но все еще контролировал себя, анализировал свои ощущения. Как трудно дышать! Отчего-то особенно трудно на этот раз. Словно бежишь кросс в этой кромешной тьме. И задыхаешься от бега…

Сколько прошло времени, он не знал. Теперь время как бы вообще перестало существовать для него. Наверное, Время просто не родилось еще из Хаоса. Его заменяла Тьма.

Дышать стало немного легче, но в висках застучали беспощадные молоточки: тук-тики-тук… Они расплющивали его плоть и все долбили, долбили: тук-тики-тук…

Потом темнота вылиняла, посерела, словно кто-то плеснул воды на чернильное пятно и размыл его. Сердце снова припустилось вскачь: теперь оно грохотало в груди, как скорый поезд в бесконечном тоннеле. И грохот этот глушил все мысли, все звуки. Все, кроме…

* * *

…Там, *в вышине*, кричала какая-то птица. Голос ее был резким, пронзительным: ке-ак, ке-ак. Тьма ушла. Вместо нее теперь было небо – огромное и разноцветное. ЗАКАТ. И птица – черный самолетик – плавно описывала круг за кругом: ке-ак, ке-ак.

И облака. Они не плыли, а стояли неподвижно в безветренном воздухе. Солнце садилось в них, окрашивая все розоватым светом. И на этом бескрайнем, таком ошеломляюще просторном небе полыхали все цвета радуги: багровый, алый, фиолетовый, нежно-салатовый, как первая травка по весне или как море у дальнего мола…

ЗАКАТ. Солнце садится в облака. Он ВИДЕЛ это. ТРАВА. МОРЕ. МОРЕ ТРАВЫ.

Трава – близко-близко. Она у самых глаз. *Господи, какие они, эти глаза, знать бы только?!* Травинки, словно непроходимый лес. Белый густой сок сочится из сочленений. И ничем не пахнет. Здесь вообще ничто ничем не пахнет. Вон муравей бежит, а вон другой… Странно – они такие же, как… Ну, совсем обычные муравьи. Маленькие. Рыжие.

А вот и ветер. Колышет траву. Закатный, с запада. Сколько запахов, которых здесь нет, он несет – грозных запахов надвигающейся ночи. Наступающей Тьмы.

Птица над головой снова кричит: ке-ак, ке-ак. Падальщик, наверное. Не разглядеть ее. Только небо видно отчетливо, только траву. Как в прошлый раз…

И тут его тело пронзила дикая боль: Ольгина словно рванули огненные клещи. В голове успело мелькнуть: вот оно уже начинается. Расплата за… Как быстро сегодня! Господи, как быстро, Господи, спаси меня! Он вздрогнул: хриплый звериный стон. «Неужели это я так ору? Они же услышат, услышат!»

ТЬМА. Она обрушилась ниоткуда, придавив, точно горный обвал. БОЛЬ и ТЬМА. Потом только ТЬМА.

* * *

Ольгин открыл глаза. Первое, что они увидели, – металлическую ножку письменного стола. Он не сразу понял, что, видимо, сполз с кресла на пол. Вставал ли он? Двигался ли? Или просто свалился мешком? Что с ним происходило, пока… Он судорожно облизал пересохшие губы, вслушивался в себя. Сердце стучит глухо – это нормально. Пульс… но он все еще боялся шевельнуться.

В прошлый раз одно только резкое движение извергло из его желудка целый фонтан. Хорошо, что *там* были только папоротники да трава, он заблевал только их. А здесь…

Он тупо смотрел на свою голую ногу. Она мелко дрожала. И рука дрожала. Шприц валялся рядом, пластмассовый баллончик его был пуст. Ольгин скосил глаза: часы на запястье показывали без четверти восемь. Значит, прошло всего три часа. И за это время он не увидел ничего, кроме неба, травы да той птицы.

Он осторожно и медленно повернул голову, прислонился щекой к стене, зажмурился. Он руку бы отдал, чтобы разглядеть *ту птицу!* Но она кружила слишком высоко в том разноцветном небе. Она кричала, созывая сородичей на ожидаемую падаль.

Может, этой падалью был он сам? Некто, умиравший в том море травы? Кем же он был в эти три часа? Чьими глазами смотрел на это древнее небо – небо наших снов и смутных воспоминаний?

Тошнота подкатывала к горлу. Он наклонился к полу. Ничего, потом все уберет. Сам лично, тряпкой, чтобы никто не видел. Нельзя же свинячить в кабинете! Нет, такие дела лучше делать не здесь, а…

За окном по Колокольному переулку проехала грузовая машина. При этом звуке в Ольгине словно что-то лопнуло: его бурно вывернуло наизнанку.

Глава 13 «СИНЯК»

Вернувшись в отдел, Катя застала там суету и деловитость, точно в растревоженном муравейнике. В розыске хлопали двери кабинетов. На пороге дежурки стоял снятый с поста патруль ППС в полной экипировке – в бронежилетах и с автоматами.

Мимо Кати, кивнув ей на бегу, промчался Геннадий Селезнев – старший оперуполномоченный по тяжким преступлениям против личности. Он скрылся за дверью сергеевского кабинета.

А в соседней комнате, где сидели каменские сыщики, было полным-полно народу. Проходя мимо, Катя успела заметить там участкового Загурского и двух каких-то подростков лет двенадцати-тринадцати в американских бейсболках, надетых козырьками назад, – они горячо о чем-то тараторили.

– Что случилось, не знаешь? – спросила она Иру. Та, держа обеими руками пишущую машинку и толстое уголовное дело, как раз выходила из ИВС. Видимо, ее опознание благополучно окончилось.

– Ребят каких-то задержали. Тех, что площадь Победы вконец обворовали. Все ларьки до единого обчистили. Ну, Загурский их сегодня откуда-то наконец откопал. И еще там что-то, – Ира прислушалась. – Розыск гудит как осиный рой. Давно такого не было.

Тут, словно Мюнхгаузен на пушечном ядре, в дежурку влетел Сергеев. Глаза его блестели. А следом уже громыхали сапоги гиганта Загурского. Сергеев кивнул патрулю, и вот они все, рассредоточившись по двум дежурным машинам, лихо отчалили куда-то в неизвестном направлении.

– На *операцию* подались, – ехидно заметила Ира. – Сейчас схватят кого-нибудь, собак всех на него понавешают, а мы потом разбирайся!

– Не должны. – Катя забрала у нее машинку. – Первое полугодие-то закрыли. За все отчитались. И за «висяки» в том числе. Так что тут действительно что-то должно быть. Давай-ка, подружка, подождем.

Времени они зря не теряли. Пока Ира печатала обвинительное заключение по одному из своих бесчисленных дел, Катя набрала у ее коллег-следователей целую пачку приговоров по прошедшим в суде делам и накатала своеобразный дайджест. «Кровавики» ходко публиковались в газетах, их рвали буквально с руками.

– Вот, материалами у вас запаслась на год вперед, – сказала она, пряча блокнот. – Но где же Сергеев в самом деле? Мы же к Жукову ехать договаривались!

Начальник розыска объявился только через два часа. Катя заметила дежурные «Жигули» из окна и быстро спустилась вниз. Навстречу по коридору шли те самые патрульные, а между ними, шаркая ногами и беспрерывно вертя круглой лохматой головой, шествовал какой-то ханыга в рваной тельняшке и замызганных штанах. Он постоянно повторял одну и ту же фразу шепелявой скороговоркой: «Да вы че, мужики? Мужики, да че вы вяжетесь-то?»

– Идите, – цедил сквозь зубы один из патрульных, а второй предусмотрительно широко распахнул дверь кабинета начальника розыска, проталкивая туда упирающегося «матроса».

Катя хотела было проскользнуть следом, но ее засек зоркий Гена Селезнев.

– Катюша, душа моя, красавица моя, погуляй пока, – мы тут сами должны, сами – своим домком, – зашептал он, вежливенько быстро выдворяя ее восвояси. – Тут мужской разговор наклевывается. Не для твоих деликатных ушек. Потом, потом все узнаешь.

Катя, вытягивавшая шею в надежде разглядеть из-за его плеча, что там происходит, услыхала, как Сергеев, сидевший за столом, басит в телефонную трубку: «Взяли, да…

похоже, он… Не знаю еще… Я же сказал – не знаю! Да… Зайцева поставим в известность… потом поставим, мы тут сами пока…»

«Да что там у них? Почему он следователя прокурорского упоминает, ведущего дело Кораблина? Неужели? – Катя злилась от досады на этих помешавшихся на своей таинственности *мужиков-дураков.* – Неужели ЕГО взяли? Так быстро? Этого вот *синяка?»*

– Сейчас сами все узнаем, – заверила ее Ира Гречко. Она вставляла в машинку чистый бланк протокола допроса свидетеля. – Мне шеф одного из тех мальчишек допросить поручил. Сейчас он нам больше, чем всему хваленому уголовному розыску, выложит!

Катя притулилась в уголке и приготовилась слушать. И в который раз ей пришлось убедиться, насколько Ира – талантливый следователь.

Мальчишка в бейсболке говорил, говорил, говорил – рот у него, похоже, просто не закрывался. Может, правда, его прежде в розыске чем-то *подмазали:* пообещали – скажешь, мол, все – будешь как белый человек… В общем, эпизоды по ларечным кражам ложились на протокол допроса споро и быстро. Однако, судя по всему, Ире ясно было далеко не все.

– А вот киоск «Союзпечати» – он же весь бронированный, как броненосец «Потемкин», – говорила она мягко и задушевно. – Там же кругом сплошная решетка – только окошечко для подачи денег: едва руку просунуть. Туда-то как вы забрались? Кстати, ты лазил или твой приятель?

Мальчишка опустил голову.

– Не-е, там мы шестака наняли.

– Наняли шестака?

– Ну, «шестерку». Малого одного. Он как раз в окошечко пролезал – тощий и юркий.

– Юркий, значит. А когда это было? Когда киоск брали?

– Ночью в субботу.

– А юркого этого где взяли?

– Да фиг его знает – пацан какой-то приблудный! Он нас сам на Новаторах встретил. Ну, вроде подходящий. Бизон его и нанял за пятерку.

– Бизон – это, я понимаю, твой напарник?

– Угу, – мальчишка ухнул, точно совенок в дупле.

– Ну а маленький этот, какой он был? Как его звали?

– Да фига мне как! – мальчишка дернул плечом. – Что мы, спрашивали, что ли? Бизон сказал: «Хочешь заработать?» Тот: «Ну!» Дурак он, что ли? Ну, пошли на Победу. Бизон его к окошку подсадил, заслонку вытолкнул, она из фанеры, что ль… У того голова сразу пролезла, и, значит, и весь пролезет. Он нам потом дверь открыл: щеколду отодвинул – ее изнутри рукой можно просто. Да там рухлядь одна! Газеты да шары надувные. Кассы даже не было!

– И все-таки припомни, этого *малого* случайно не Стасиком звали? – спросила Катя осторожно.

– Да не знаю я!

– А прежде вы его с Бизоном не встречали?

– Видел как-то раз на Канатчиках. Там с мотоциклами пацаны собираются. Ну, он крутился там как-то.

Так, это было уже кое-что, хотя и смутно. Катя вопросительно взглянула на Гречко и заметила, что ей опять-таки не все ясно.

– Ну хорошо, давай теперь вернемся к коммерческой палатке «Санга», что на станции, – продолжила Ира. – Сколько всего бутылок водки вы оттуда взяли?

– Два ящика.

– Сколько-сколько?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.